

Голубинский Е. Е. Ответ на статью: Н. Московский академический историк о житии преподобного Сергия // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 10. С. 153–178 (2-я пагин.). (Начало.)

Отвѣтъ на статью: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“, напечатанную въ журналѣ „Странникъ“¹⁾.

Въ январьской книжкѣ за нынѣшній 1893-й годъ журнала „Странникъ“ помѣщена статья: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія. (Е. Голубинскій. Преп. Сергій Радонезскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Жизнеописаніе преп. Сергія и Путеводитель по Лаврѣ. Сергіевъ посадъ. 1892)“, подписанная буквой И.

Уже по самому заглавію статьи читатель догадывается, что она не есть обыкновенная рецензія на книгу или обыкновенная критика книги, а что-то особенное. Если бы статья была обыкновенной рецензіей на книгу или обыкновенной критикой книги, то съ какой стати стояли бы въ ея надписаніи слова: „московскій академическій историкъ“? Ясно для всякаго, что словами этими выражается не особое ко мнѣ почтеніе, а насмѣшка надомной, пренебреженіе или же и самое презрѣніе ко мнѣ, и что посредствомъ этихъ словъ имѣется въ виду обратить на статью особое вниманіе читателя, сказать ему: читай, читай... Послѣдовавъ приглашенію, которое дѣлается заглавіемъ статьи и обра-

¹⁾ Настоящій отвѣтъ написанъ мною тотчасъ, какъ полученная въ академіи книжка „Странника“ была мнѣ указана, такъ что предполагалось было напечатать его въ апрѣльской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ (вышедшей во второй половинѣ марта). Но по нѣкоторымъ, неожиданно явившимся, причинамъ я счелъ за нужное пріостановиться печатаніемъ. Во время этой остановки раздраженіе противъ творца или творцовъ насквиля у меня, конечно, прошло, и теперь главнымъ побужденіемъ для меня къ напечатанію отвѣта служить опроверженіе взводимыхъ на меня въ насквиля обвиненій научнаго свойства.

тивились къ ней, читатель убѣждается въ полной справедливости своей догадки. Статья дѣйствительно есть не рецензія на мою книгу или не критика моей книги, а весьма пасквильный пасквиль на меня самого, наполненный клеветами и инсинуаціями на мой счетъ и дѣлающій обо мнѣ такой отзывъ, будто я представляю собою нѣчто въ родѣ чудовища.

Пасквиль, какъ видъ человѣческой письменности, несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ видовъ этой письменности, которые наиболѣе древни по своему происхожденію, ибо страсть къ клеветѣ, инсинуаціи и заугольной брапи явилась у людей тотчасъ же въ слѣдъ за тѣмъ, какъ, послѣ недолгаго времени праведности, стали они людьми грѣшными (хотя самое названіе пасквиль для письменныхъ произведеній, посягающихъ на чьи либо честь и доброе имя, и весьма не древне, — явилось въ Италіи, въ XVI вѣкѣ). Но если пасквиль можетъ похвалиться своею древностію, то съ другой стороны столько же древне и глубокое презрѣніе къ нему со стороны всѣхъ порядочныхъ людей. Чтобы показать г-ну П., котораго я буду называть далѣе принадлежащимъ ему именемъ анонима ¹⁾, какъ мыслили о пасквилѣ еще классическіе греки и римляне, я хотѣлъ было привести рядъ выписокъ изъ классическихъ греческихъ и римскихъ писателей. Но потомъ я сообразилъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ „наплевать на вашихъ классическихъ грековъ и римлянъ“, и что ссылка на этихъ послѣднихъ дастъ ему развѣ только поводъ инсинуировать противъ меня, будто я склоненъ къ язычеству. Оставляя въ покоѣ классиковъ, я пошлюсь анониму на христіанскихъ отцовъ церкви и именно такихъ отцовъ, ко-

¹⁾ Будучи человекомъ прямымъ, я люблю называть лица и вещи ихъ собственными именами. Не можетъ быть никакого спора о томъ, что статьи г. П. есть пасквиль на меня; слѣдовательно, не можетъ быть никакого спора и о томъ, что самъ онъ есть авторъ пасквиля или пасквильянтъ. Такъ и я хотѣлъ было называть его въ своемъ нижеслѣдующемъ отвѣтѣ ему. Но опасаясь, что иные читатели найдутъ это очень рѣзкимъ, замѣняю названіе пасквильянтъ названіемъ анонимъ, при чемъ утѣшаю себя тѣмъ, что слово анонимъ (*ἀνώνυμος*) значитъ не только homo nomine carens, человекъ безымянный или невѣстный по имени, но и homo ignobilis, человекъ безславный (*ruhmlös*).

торыя должны имѣть двойной и непререкаемый авторитетъ въ его глазахъ. Въ одномъ мѣстѣ своего творенія, укоряя меня въ познаніи монашескаго общенія, онъ даетъ нѣкоторое основаніе предполагать въ немъ монаха; наше православное греко-россійское монашество есть монашество по уставу Василія Великаго, такъ что Василій Великій долженъ быть признаваемъ нашими монахами за ихъ учителя по преимуществу и по превосходству. Итакъ, пусть же знаетъ анонимъ, что Василій Великій назначаетъ крайне строгое наказаніе монаху, который клеветаетъ на своего ближняго (Творенія Василія Великаго въ русск. переводѣ т. V, изд. 3-го стр. 208, вопр.—отв. 26),— что ложныя рѣчи на ближняго по лукавымъ побужденіямъ, какъ это позволяетъ себѣ анонимъ въ отношеніи ко мнѣ, онъ причисляетъ къ грѣхамъ самымъ тяжкимъ (ibid., стр. 320, вопр.—отв. 273) и что о брани изъ-за угла, если позволяетъ себѣ прибѣгать къ ней не только монахъ, но и мірянинъ, онъ отзывается съ величайшимъ презрѣніемъ (т. VII, стр. 65).

Насквиль на меня могъ быть написанъ по двумъ побужденіямъ,—или по фанатической враждѣ къ моимъ убѣжденіямъ и моему направленію или по личной враждѣ ко мнѣ самому. Насквиль на меня, какъ на *историка русской церкви*, могъ быть написанъ по фанатической враждѣ къ моимъ убѣжденіямъ; но кто читалъ мою *книгу о преп. Сергіи*, тотъ знаетъ, что нѣтъ въ ней совершенно ничего, что могло бы вооружить противъ меня и самаго дикаго фанатика, такъ что побужденіемъ къ насквилю противъ меня, какъ противъ *историка преп. Сергіи*, должна быть предполагаема личная вражда ко мнѣ самому. Дѣйствительно, своей книгой о преп. Сергіи я могъ возбудить личную вражду къ себѣ нѣкоего писателя: въ одномъ частномъ вопросѣ относительно жизни преп. Сергія, на который даются два отвѣта и въ которомъ мы съ писателемъ оказались несогласными, онъ долженъ былъ уступить побѣду мнѣ; затѣмъ, отвѣчая на его полемику противъ меня по этому вопросу (анонимную, безъ названія меня по имени, я позволилъ себѣ въ своей книгѣ нѣсколько посмѣяться надъ его невѣжествомъ (также анонимно, не называя его по имени). Но если справедливы мои подозрѣнія на счетъ автора нас-

квилля, то мнѣ искренно жаль, что человѣкъ обладаетъ такимъ крайне болѣзненнымъ самолюбіемъ, которое затмѣваетъ у него разумъ. Будучи совершенно ничтоженъ, какъ историкъ (именно — какъ историкъ, но не какъ вообще повѣствователь), нашъ „нѣкій писатель“ можетъ имѣть очень большія достоинства въ другихъ отношеніяхъ, чего я вовсе не думаю ни отрицать ни оспаривать. Между тѣмъ, по общему признанію всѣхъ порядочныхъ людей, наполненный клеветами и инсинуаціями пасквиль есть средство мщенія мерзкое и презрѣнное, рѣшаясь прибѣгнуть къ которому человѣкъ сильно грязнитъ свою репутацію ¹⁾.

Истинно прискорбно мнѣ, что мѣсто пасквилю на меня дано въ журналѣ „Странникъ“. Всѣмъ и каждому извѣстно, что редакторъ-издатель „Странника“ г. А. Пономаревъ есть профессоръ петербургской духовной академіи. Такимъ образомъ, одинъ профессоръ академіи даетъ у себя мѣсто пасквилю на другаго профессора академіи: это есть нѣчто далеко не совсѣмъ ладное... И, разумѣется, вовсе не заявляю той претензіи, чтобы г. Пономаревъ, какъ профессоръ академіи, совсѣмъ ничего не помѣщаль противъ меня въ своемъ журналѣ: пусть онъ помѣщаетъ у себя критики на мои книги самыя жестокия и самыя безпощадныя, — отвѣчая или не отвѣчая на критики, я, конечно, не скажу противъ ихъ напечатанія г. Пономаревымъ ни единого слова; но иное дѣло пасквиль. А не думаю я, чтобы г. Пономаревъ прибѣгъ къ тому жалкому оправданію, будто между безпощадной критикой и пасквилемъ трудно провести границу. Граница совершенно ясна: критика, какая бы то ни было, изобличаетъ и доказываетъ дѣйствительные недостатки сочиненія; а пасквиль клеветаетъ и инсинуируетъ или же просто бранитъ, ничего не доказывая (это заглавіе статьи: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“ требовалось самой безпощадной критикой?). И добро бы еще пасквиль составленъ былъ такъ, что былъ бы бранимъ въ немъ одинъ я и тщательно выгорожены были всѣ

¹⁾ Нѣкоторые увѣряютъ меня, что писателю, питающему личную ко мнѣ вражду, помогали составлять пасквиль и писатели, питающіе вражду къ моимъ убѣжденіямъ. Не знаю, правда ли это; но если правда, то для цѣлой компаніи писателей нашъ пасквиль есть литературное произведеніе очень плохое.

другіе; но этого нѣтъ: пасквилянть явно высказываетъ свое пренебреженіе къ академіямъ и академической наукѣ, явно смѣется надъ академическими учеными степенями. Слѣдовательно, профессоръ академіи не находитъ ничего страннаго въ томъ, чтобы содѣйствовать появленію на свѣтъ пасквилей, въ которыхъ посягается на честь и унижается достоинство академій. Никакого дѣйствія не бываетъ безъ причины; почему должно имѣть причину и то дѣйствіе г. Пономарева, что онъ помѣстилъ пасквиль на меня въ своемъ журналѣ. Думавъ одинъ и вмѣстѣ съ знакомыми, я не могъ придумать никакой другой причины, кромѣ желанія и надежды — при помощи скандалѣзной статьи приобрѣсти лишній пятокъ-десятокъ подписчиковъ журналу между многочисленными любителями всего скандалезнаго... Конечно, и профессору академіи, если онъ издастъ журналъ, никто не воспрещаетъ заботиться о приобрѣтеніи подписчиковъ: по профессорскій ли способъ заботиться и стараться объ ихъ приобрѣтеніи посредствомъ помѣщенія въ своемъ журналѣ пасквилей? Впрочемъ, возможное дѣло, что на все мои lamentаціи г. Пономаревъ отвѣтитъ мнѣ словами аристофановыхъ аоніянъ: *καὶ ταῦτα μὲν δὴ οἰζορέ*, да вѣдь это нустьяки!.. ¹⁾.

1) На оберткѣ журнала „Странникъ“, какъ извѣстно, находится изображеніе странника христіанина, которому ангелъ указываетъ путь въ небесный Іерусалимъ. Правда, что странникъ „Странника“ какъ будто не православный русскій, а католикъ полякъ или по крайней мѣрѣ русскій униатъ (онъ прилякнулъ покатолически на одно колѣно, а не стоитъ по-православному на обоихъ колѣнахъ, и странническая одежда его съ принадлежностями весьма похожа на тѣ peregrinскія или путническія одежды, въ которыхъ, по описанію извѣстнаго Барскаго, польскіе католическіе и русскіе униатскіе паломники ходятъ въ Римъ, да и у ангела, указующаго страннику путь, не говоря объ его не совѣмѣ православною, слишкомъ широкорукавною, туникѣ, повѣшена на шеѣ католическая снитрахиль, съ каковою снитрахилью дѣйствительно изображаются у католиковъ ангелы); но и католику или униату не совѣмѣ удобно идти въ небесный Іерусалимъ съ катомкой за плечами, которая между прочимъ нагружена пасквилями; имѣя при себѣ подобныя, своего рода подпольныя, произведенія, странникъ подвергается опасности остаться за вратами небесными... Личныхъ счетовъ у г. Пономарева со мной, которые бы, если не извиняли, то дѣлали понятнымъ его поступокъ, нѣтъ совершенно никакихъ; мы вовсе не знаемъ другъ друга и вовсе не имѣли другъ къ другу никакихъ отношеній, ни дурныхъ ни хорошихъ.

Я дамъ анониму по возможности обстоятельные отвѣты на всё его противъ меня обвиненія, — на клеветы, инсинуаціи, искаженіе и перетолкованіе моихъ рѣчей и на его заугольную брань такимъ образомъ, чтобы слѣдить его знаменитое (не особенно обширное) твореніе пунктъ за пунктомъ, для каковой цѣли все выпишу его у себя отдѣлъ за отдѣломъ. Итакъ, начинаю.

„Въ числѣ разныхъ изданій, появившихся ко дню 500-лѣтія памяти преп. Сергія Радонежскаго книга проф. Голубинскаго, заглавіе которой выписано нами, благодаря громкой извѣстности ея автора-историка, обращаетъ на себя особенное вниманіе. Читателю думается, что предъ нимъ предстанетъ и жизнь боярскаго семейства того времени и картина тогдашней Руси, и обстоятельства, воспитавшія душу Сергія-Варѣоломея и возбудившія въ немъ раннюю склонность къ иночеству, и бытъ тогдашнихъ монастырей, и глубокій анализъ его характера и пр. пр. Но съ первыхъ же страницъ читатель видитъ, что авторъ пишетъ не столько житіе Преподобнаго, сколько критику на житіе, написанное Епифаніемъ. Автору страстно хочется сказать что нибудь такое, чего не говорили (sic) до него никто, и непременно — колыхнуть Епифанія. Это желаніе иногда доходитъ до... смѣшнаго. Похваливъ Епифанія, напримѣръ за то, что „онъ изображаетъ намъ не мечты своего воображенія, но именно подлиннаго Сергія, какимъ онъ былъ“, авторъ тутъ же продолжаетъ: „мы не ищемъ у жизнеописателя свѣдѣній о томъ, что такое и каковъ былъ Сергій, такъ сказать, къ самому себѣ, въ своей собственной, для самаго себя, жизни, — мы и безъ жизнеописателя знаемъ, что онъ былъ высоко-святой, строго-подвижнической жизни“... Такъ и хочется спросить автора: да что же лишняго въ томъ, что пр. Епифаній сказалъ намъ о святости Сергія? И откуда бы онъ, г. Голубинскій, могъ лучше узнать личныя свойства пр. Сергія, если бы не говорилъ о нихъ жизнеописатель его? Во всякомъ случаѣ — за что авторъ недоволенъ Епифаніемъ? — „Но мы желаемъ отъ него знать, продолжаетъ Голубинскій, что такое былъ Сергій въ отношеніи къ другимъ людямъ“. Такъ что же? Развѣ объ этомъ не говоритъ Епифаній? Говорить, и г. Голубинскій тутъ же приводитъ его слова. Зачѣмъ же понадобилась ему выходка противъ Епифанія! Вѣроятно затѣмъ же, зачѣмъ онъ выставляетъ сего смиреннаго ученика Сергіева хвастуномъ (прим. 6 и под.), упрекаетъ въ „эффектно-ораторской нескладицѣ“ (пр. 5, пр. 24 и под.).

Анонимъ, съ одной стороны, укоряетъ меня за то, что я не удовлетворяю требованіямъ хорошаго біографа, — что у меня нѣтъ того-то, того-то и того-то, а съ другой стороны укоряетъ меня за то, что я позволяю себѣ заявлять свое несовершенное довольство Епифаніемъ. Но тутъ на самомъ дѣлѣ — если съ одной стороны, то уже не съ другой стороны и одно служить къ оправданію меня въ дру-

гомъ. Я потому именно и не совсѣмъ доволенъ Епифаніемъ, что онъ съ своимъ житіемъ преп. Сергія не даетъ мнѣ возможности удовлетворить тѣмъ требованіемъ, которымъ долженъ удовлетворять хорошій біографъ. Слѣдовательно, тутъ одно изъ двухъ: или къ біографу преп. Сергія не должны быть предъявляемы требованія, которыя предъявляются ко всякому хорошему біографу, или же біографъ преп. Сергія, не имѣющій возможности удовлетворить требованій, которыя предъявляются ко всякому хорошему біографу, благодаря недостаточной удовлетворительности житія Епифаніева, въ правѣ быть не совершенно доволенъ симъ послѣднимъ, т. е. Епифаніемъ. Но къ біографу преп. Сергія, конечно, должны быть предъявляемы тѣ же самыя требованія, что и ко всякому другому біографу; значить, я совершенно правъ, когда выражаю свое нѣкоторое недовольство Епифаніемъ. Анонимъ желалъ бы отъ меня хорошей біографіи преп. Сергія; я съ своей стороны желалъ бы именно того же самаго, т. е. написать хорошую біографію преп. Сергія, но лишень возможности сдѣлать это благодаря Епифанію: въ правѣ ли анонимъ укорять меня за то, что я не совершенно доволенъ Епифаніемъ? Если онъ укоряетъ меня за то, вина за что лежитъ не на мнѣ, а на Епифаніи: то, полагаю, ясно, что, думая укорять меня за Епифанія, на самомъ дѣлѣ онъ укоряетъ не кого иного, какъ этого Епифанія. Будучи не совершенно доволенъ Епифаніемъ, я вовсе не отнимаю у него несправедливымъ образомъ его достоинствъ, а отдаю ему все должное: безотносительнымъ образомъ я не признаю написанное имъ житіе преп. Сергія за совершенно удовлетворительное; но относительнымъ образомъ, сравнительно съ другими житіями, я признаю его за житіе весьма хорошее и даже совсѣмъ выдающееся. Вся рѣчь моя о немъ есть слѣдующая: „Нельзя, къ сожалѣнію, сказать о древнемъ житіи преп. Сергія (т. е. именно этомъ Епифаніевомъ), чтобы оно было совершенно удовлетворительно,—чтобы оно представляло собою такую его біографію или такое его жизнеописаніе, въ которомъ бы мы находили и живое изображеніе его личности и обстоятельное повѣствованіе объ его дѣятельности. Но это сожалѣніе должно быть высказано не по отношенію къ одному житію преподобнаго Сергія,

*сравнительно еще весьма хорошему и даже совсѣмъ выдающемуся, а по отношенію къ рѣшительному большинству нашихъ древнихъ житій** (стр. 1—2). Если въ виду сей-часъ сдѣланной улики анонимъ, такъ сказать, вывернется и скажетъ, что если я не укоряю Епифанія, то дѣлаю еще гораздо худшее,—укоряю большинство писателей древнихъ житій; въ такомъ случаѣ я ему отвѣчу: пусть онъ читаетъ исторіи русской церкви преосвв. Филарета и Макарія, пусть онъ читаетъ специальное изслѣдованіе о житіяхъ В. О. Ключевского („Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“), и онъ увидитъ, что я въ данномъ случаѣ нисколько не щеголяю оригинальничаньемъ, т. е. не высказываю недовольства изъ стремленія къ оригинальничанью, изъ страстнаго желанія сказать что нибудь такое, чего не говорили до меня никто, а говорю совершенно то же самое, что говорятъ и другіе (или, такъ какъ говорю послѣ другихъ, лишь повторяю этихъ другихъ).

Итакъ, общій укоръ мнѣ со стороны анонима за то или въ томъ, что я позволяю себѣ быть не вполне доволенъ Епифаніемъ, совершенно неоснователенъ, потому что мое нѣкоторое недовольство Епифаніемъ имѣетъ свое полное основаніе. Относительно частныхъ, которыя анонимъ ожидалъ бы найти въ написанной мною біографіи преп. Сергія („Читателю думается, что предъ нимъ предстанетъ и пр.) должно быть оказано, что, увлекаясь желаніемъ показать свое полное знакомство со всеми тѣми требованіями, которыя предъявляются къ настоящимъ историкамъ (съ пѣлю, разумѣется, хвастнуть этимъ знакомствомъ), анонимъ вдается въ совершенное завирательство. „Изобразить жизнь боярскаго семейства того времени, нарисовать картину тогдашней Руси“ и пр. и пр. Предъявлять эти требованія съ легкимъ сердцемъ можетъ только совершеннѣйшій невѣжда въ русской исторіи. Съ великимъ удовольствіемъ изобразилъ бы я вамъ жизнь боярскаго семейства тогдашняго времени: но какъ бы я это сдѣлалъ, когда у меня нѣтъ никакихъ данныхъ для изображенія (въ этомъ случаѣ, конечно, уже не по винѣ Епифанія)? Съ великимъ удовольствіемъ нарисовалъ бы я вамъ картину тогдашней Руси: но какъ бы я ее нарисовалъ, когда почти что не съ чего рисовать, когда Русь XIV в. стоитъ передъ нами въ такомъ мракѣ,

въ которомъ мы ничего живаго совершенно не въ состояніи разглядѣть (не говоримъ уже о томъ, что блѣдная картина Руси XIV в., насколько она возможна, вовсе не относится къ біографіи преп. Сергія, а относится къ общей исторіи Россіи). О бытѣ тогдашнихъ монастырей я говорю, да и нельзя мнѣ объ этомъ не говорить по моимъ представленіямъ о преп. Сергіи, какъ о преобразователѣ быта монастырей. Не говорю я объ обстоятельствахъ, воспитавшихъ душу Сергія-Варооломея и возбуждившихъ въ немъ раннюю склонность къ иночеству потому, что, съ одной стороны, ничего не говоритъ объ этомъ Епифаній, а съ другой стороны и главное—потому, что требованіе рѣчей объ этомъ есть со стороны анонима, говоря безцеремонно, просто его глупость. Преп. Сергіи стала тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, не въ слѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, о которыхъ совершенно ничего неизвѣстно, а отъ свойствъ своей природы и по благодати Божіей. Преп. Сергіи явилъ себя великимъ постникомъ почти тотчасъ послѣ рожденія, еще будучи дитятею въ неленкахъ: какія обстоятельства возбуждали въ немъ склонность къ постничеству? А когда анонимъ говоритъ, что онъ ожидалъ отъ меня глубокаго анализа характера преп. Сергія, то тутъ не просто глупость съ его стороны, но и нѣчто большее. Глубокій анализъ души преп. Сергія.. А не было ли бы это съ моей стороны великой и весьма неумѣстной дерзостью, противъ которой изъ всѣхъ силъ завопіялъ бы тотъ же анонимъ, который могъ бы называть на меня по этому поводу такихъ обвиненій и надѣлать противъ меня такихъ инсинуацій, что я принужденъ былъ бы спасая спасать свою душу? Отсылаю анонима къ извѣстному жизнеописанію преп. Сергія, составленному о. іеромонахомъ (нынѣ архимандритомъ) Никонемъ (1-е изданіе напечатано въ 1885 г., 2-е—въ 1891 г.); въ предисловіи къ этому жизнеописанію онъ найдетъ парочитыя, подкрѣпленныя ссылкой на митр. Филарета, рѣчи о томъ, что я, какъ и всякій біографъ преп. Сергія, не долженъ былъ отваживаться на подобный глубокой анализъ его характера (2-го изд. стр. VIII).

Слова анонима: „Съ первыхъ страницъ читатель видитъ, что авторъ ищетъ не столько житіе Преподобнаго, сколько критику на житіе, написанное Епифаніемъ“, если бы по-

править ихъ такъ: „авторъ пишетъ *не только* житіе Преподобнаго, *но и* критику на житіе, написанное Епифаніемъ“, были бы совершенно вѣрны. Я дѣйствительно не только пишу жизнеописаніе преп. Сергія (краткое, хотя по возможности и полное), но и критику на житіе преп. Сергія, принадлежащее Епифанію. Критику житія, написаннаго Епифаніемъ, я поставлялъ одною изъ своихъ парочитыхъ задачъ и вовсе я ни отъ кого не скрывалъ этого, а всѣмъ объ этомъ говорилъ, съ кѣмъ приходилось говорить,—весьма возможно, что объ этомъ я говорилъ и самому анониму. Да и весьма глупо было бы скрывать то, чего вовсе не зачѣмъ скрывать. Жизнеописаніе преп. Сергія безъ критики житія его, принадлежащаго Епифанію, и жизнеописаніе очень хорошее (хотя и не свободное отъ недостатковъ, какъ всякое произведеніе человѣческое) было написано ранѣе меня; это жизнеописаніе, принадлежащее о. Никону, которое мы указали. Чтобы не писать того же самаго, что написано о. Никонъ, а сдѣлать къ нему нѣкоторое дополненіе, я и написалъ жизнеописаніе преп. Сергія съ критикой его житія, принадлежащаго Епифанію (чтобы не называть своей критики читателямъ не желающимъ критики, я вовсе не вношу ея въ текстъ жизнеописанія, а помѣщая исключительно въ примѣчаніяхъ). Но что значить, что анонимъ обвиняетъ меня въ критикѣ Епифанія, я не совсѣмъ понимаю или, лучше сказать, совсѣмъ не понимаю. Неужели онъ хочетъ сказать то, что Епифаній есть человѣкъ не подлежащій критикѣ? Правда, что онъ усвоилъ Епифанію титулы преподобнаго и блаженнаго; но эти, усвоенные имъ Епифанію, титулы вовсе не значать, чтобы послѣдній былъ канонизованный святой, а свидѣлствуютъ только объ его желаніи своимъ особеннымъ почтеніемъ къ жизнеописателю преп. Сергія рѣзче выставить мое мнимое непочтеніе къ нему. Но если бы Епифаній былъ и канонизованный святой, то и сіе нисколько не лишало насъ права подвергать критикѣ его историческія писанія, а только налагало бы на насъ обязанность относиться съ подобающимъ уваженіемъ къ его лицу (личности). Вообще, я не думаю, чтобы анонимъ выставялъ тотъ принципъ, будто житія святыхъ какъ произведенія историческія не подлежатъ исторической кри-

тикѣ; это было бы уже слишкомъ ¹⁾. Не рѣшаемся мы усвоить анониму этого, свойственнаго только какому нибудь совсѣмъ темному человѣку, мнѣнія, будто Епифаній не подлежитъ исторической критикѣ, имѣя въ виду и примѣръ уже дважды помянутаго нами о. Никона. О. Никонъ относится съ величайшимъ, нисколько не меньшимъ, чѣмъ анонимъ, уваженіемъ къ Епифанію, и однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ предпочитаетъ слѣдовать не ему, а его сократителю Пахомію, и даже не Пахомію, а только нѣкоторымъ спискамъ сокращеннаго Пахоміева житія (стр. 243, прим. 80, рѣчи объ источникѣ, чудесно изведенномъ преп. Сергіемъ).

Когда анонимъ укоряетъ меня въ страстномъ желаніи сказать что нибудь такое, чего не говорилъ до меня никто, то онъ возводитъ на меня общее обвиненіе, на которое можно отвѣчать только общимъ же отрицаніемъ. Докажите ваши слова примѣрами или какими хотите доказательствами, и тогда я буду опровергать васъ. Но что я отвѣчу на голословное обвиненіе и не очень ли просто возводить на человѣка голословныя обвиненія, какія угодно? Впрочемъ, еще Демосенъ сказалъ, что насквилянство въ томъ именно и состоитъ, чтобы возводить на людей всякія голословныя обвиненія: *τοῦτο γὰρ ἐστὶν ὁ σκωλιαντισμὸς ἀτιμωσίαια μὲν πάντες, ἐξελέγξει δὲ ἑκάστῳ* (это и значить быть насквилянтомъ, — греческое сикофантъ соответствуетъ принятому у насъ повому насквилянть, — чтобы обвинять во всемъ и ничего не доказывать).

Въ страстномъ желаніи при всякомъ случаѣ кольнуть Епифанія анонимъ обвиняетъ меня совершенно недобросовѣстно, победнически и можно сказать поіезуитски. Во-первыхъ, въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указываетъ и всего на одинъ случай. Положимъ, что указаніе было бы справедливо: неужели на основаніи одного случая можно было бы обвинять меня въ страстномъ желаніи кольнуть

¹⁾ Въ такомъ случаѣ, знаетъ-ли анонимъ, чему между прочимъ пришлось-бы намъ вѣрить въ нашей гражданской исторіи? Пришлось-бы между прочимъ вѣрить, что Батый, — вѣвѣтнѣй Батый, ханъ монгольскій, поработоритель Россіи, былъ родомъ изъ Ярославской губерніи, изъ деревни Череможекой! (sic, см. *преосв. Филарета* Обзоръ литературы § 133).

Епифанія, подразумѣвается: при всякомъ случаѣ? Но и одинъ случай анонимъ можетъ указать, только прибѣгая къ намѣренному и злостному перетолкованію моихъ словъ. Приступая къ изображенію личнаго характера преп. Сергія на основаніи Епифанія, я говорю: „Мы не ищемъ свѣдѣній о томъ, что такое и каковъ былъ Сергій въ отношеніи такъ сказать къ самому себѣ, т. е. въ своей собственной, для самого себя жизни,—мы и безъ жизнеописателя знаемъ, что онъ былъ высоко-святой, подвижнической жизни: но мы желаемъ отъ него знать, что такое былъ Сергій въ отношеніи къ другимъ людямъ. Итакъ, по изображенію жизнеописателя, въ отношеніи къ другимъ людямъ преподобный Сергій былъ“... и пр. (стр. 30 нач.). Пойдетъ ли ктонибудь, не питающій личной ко мнѣ вражды и не имѣющій склонности перетолковывать меня, пойдетъ ли, говорю, въ этихъ словахъ моихъ упрекъ Епифанію въ томъ, что онъ говоритъ о святости преп. Сергія? Я хочу сказать, что когда идетъ рѣчь о личномъ характерѣ преп. Сергія, то напрасно говорить объ его высокой святости, потому что это хорошо извѣстно и безъ всякихъ рѣчей. и вотъ и употреблю ораторскій оборотъ: „мы не ищемъ“ и пр. Если кто скажетъ мнѣ, что я употреблю ораторскій оборотъ не особенно искусный (удачный) я, пожалуй, не стану спорить: но во всякомъ случаѣ на основаніи его можно ли обвинять меня въ томъ, будто я упрекаю Епифанія за рѣчи о святости преп. Сергія? А анонимъ съ притворнымъ недоумѣніемъ и съ напускнымъ сожалѣніемъ (съ напускною болью въ сердцѣ) за оскорбляемаго мной Епифанія восклицаетъ: „Такъ и хочется спросить автора: что лишняго.... Зачѣмъ же понадобилась ему выходка противъ Епифанія“? Мерзкій смыслъ сочиненія и усвоенія мнѣ выходки противъ Епифанія совершенно понятенъ: „если я позволяю себѣ выходки противъ сего смиреннаго ученика Сергіева, то что я за человѣкъ такой въ отношеніи къ моему направленію“? Далѣе, увидимъ, впрочемъ, еще и не то.

Я вовсе не выставлю Епифанія хвастуномъ, а говорю только, что онъ употребляетъ въ житіи преп. Сергія слова не употреблявшіяся въ живой русской рѣчи и, вѣроятно, взятыя имъ изъ книгъ (клюсы, скрипи, посаги), чтобы хвастнуть своею ученостью. Выставлять человѣка хвасту-

номъ и сказать о немъ, что онъ обнаруживаетъ склонность хвастнуть своею ученостію, вещи совершенно различныя и изъ того, что человекъ имѣетъ склонность хвастнуть своею ученостію, никто не сдѣлаетъ заключенія, что человекъ есть хвастунъ; а слѣдовательно, и обвинять меня, будто я, указывая у Епифанія склонность хвастнуть ученостію, выставляю его хвастуномъ, несправедливо. Епифаній употребляетъ непонятныя слова по какому нибудь особому побужденію. Если анонимъ находитъ несомнѣтельнымъ указывать побужденіе, которое я указываю, то пусть онъ указалъ бы побужденіе, которое можетъ быть принято съ бѣльшею основательностію. Но онъ другаго побужденія вовсе не указываетъ; слѣдовательно, не можетъ указать; а если не можетъ указать, такъ за что же обвиняетъ меня?

Я нахожу у Епифанія эффектно-ораторскую нескладницу въ его рѣчахъ о крещеніи преп. Сергія, гдѣ онъ говоритъ: „іерей же, огласивъ его и много молировавъ надъ нимъ, съ радостію духовною и тщаніемъ крести его“ (стр. 84, прим. 5). Именно, я нахожу нескладницу въ словахъ: „много молировавъ надъ нимъ“, такъ какъ надъ преп. Сергіемъ при его крещеніи, конечно, было молировано не болѣе, чѣмъ при крещеніи всякаго другаго человека или не болѣе того, чѣмъ сколько положено и сколько обычно. Нескладницу эту, какъ я указываю, признавалъ нескладницей и Симонъ Азарыинъ, который въ своемъ изданіи житія вмѣсто словъ: „много молировавъ“ поставилъ слова: „по обычаю молировавъ“ (ibid.). А что Епифаній былъ величайшій ораторъ и человекъ весьма склонный къ ораторскимъ эффектамъ, при чемъ возможно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущеніе имъ и нескладницъ, относительно этого, не выставляя своего собственнаго увѣренія, котораго, конечно, неприемлемо въ данномъ случаѣ, я пошлюсь на преосв. Макарія (Ист. V, 232 нач.) и на В. О. Ключевскаго (Древнерусскія житія, стр. 93). И кто опять мѣшалъ анониму вмѣсто моего неудовлетворительнаго объясненія указать объясненіе удовлетворительное?

„Позволимъ себѣ, однако же, нѣсколько замѣчаній по порядку стралицъ въ книгѣ и примѣчаній къ нимъ...“

„Безъ всякаго вѣдимаго основанія г. Голубинскій отрицаетъ преданіе о томъ, что Ростовскій Варницкій монастырь стоитъ на мѣстѣ редицъ преп. Сергія. Тутъ-же безъ всякой надобности говорить о „пилотскомъ за-

чатіи“ пр. Сергія, въ опроверженіе предположенія Снегирева о томъ, что это „зачатіе“ будто-бы было на мѣстѣ Георгіевской пустыни въ Гороховскомъ уѣздѣ. Какъ-то странно и опровергать такія мифы, основанныя очевидно на непониманіи слова „зачатіе Сергія“, т. е. основаніе монастыря Сергіемъ“.

Я отрицаю преданіе о Варницкомъ монастырѣ не безъ всякаго видимаго основанія, какъ лжетъ анонимъ, а прямо указывая это основаніе (стр. 81, прим. 3). Варницкій монастырь находится и всего въ 4-хъ (или даже—3-хъ) верстахъ отъ Ростова, между тѣмъ объ усадьбѣ родителей преп. Сергія Епифаній говоритъ, что она „бѣ въ предѣлѣхъ Ростовскаго княженія не зѣло близъ града Ростова“: можно ли и естественно ли было бы Епифанію сказать объ усадьбѣ, находившейся только въ 4-хъ (или даже 3-хъ) верстахъ отъ Ростова, что она „*бѣ въ предѣлахъ Ростовскихъ не зѣло близъ града Ростова!*“ Въ Исторіи іерархіи, которая составлена по свидѣніямъ, полученнымъ изъ самыхъ монастырей, ничего не говорится о преданіи, чтобы монастырь былъ поставленъ на мѣстѣ усадьбы родителей преп. Сергія, и прямо говорится, что „кѣмъ имяно и въ которомъ году *точно по какому случаю*, по чьему дозволенію и чьимъ иждивеніемъ построень (монастырь), неизвѣстно“,—III, 500. На основаніи сейчасъ приведенныхъ словъ можно съ увѣренностію полагать, что преданіе явилось уже послѣ написанія Исторіи іерархіи. А сомнѣваться (я именно сомнѣваюсь, а не отвергаю положительно) въ преданіи подобной недревней древности, конечно, имѣлъ и весьма достаточное побужденіе...

Если бы я и безъ всякой надобности говорилъ о „плотскомъ зачатіи“ преп. Сергія въ опроверженіе предположенія Снегирева, то бѣда была бы не велика и указывать на это съ укоромъ мнѣ было бы странно. Но я находилъ и нахожу, что говорить вовсе не напрасно и что мое замѣчаніе не только не было излишне, а напротивъ было нужно и что въ противномъ случаѣ я подлежалъ бы справедливому укору за упущеніе. Дѣло, не совѣмъ ясно представляемое анонимомъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Покойный Н. М. Снегиревъ нашолъ грамоту царя Θεодора Ивановича, дающую Георгіевской пустынь, находившейся въ Гороховскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, въ которой чи-

тается: „се азъ царь и великій князь... пожаловали есмь къ пустынь живоначалной Троици и къ великому Христову мученику Егоргію, гдѣ было зачатіе великаго чудотворца Сергія, что въ Гороховецкомъ уѣздѣ“..., и заключилъ на основаніи грамоты, что плотское зачатіе преп. Сергія послѣдовало въ Гороховецкомъ уѣздѣ и что потомъ родители его, когда мать его была беременна имъ, переѣхали въ Ростовъ. Анониму представляется страннымъ и оцровергать мнѣніе Снегирева, основанное очевидно на непониманіи словъ: „зачатіе Сергія“. Но мнѣніе Снегирева основывается вовсе не на непониманіи словъ, а на введеніи его въ заблужденіе весьма неискусномъ и странномъ выраженіи царской грамоты. Прямой смыслъ словъ: „гдѣ было зачатіе великаго чудотворца Сергія“, очевидно есть тотъ гдѣ имѣло мѣсто плотское зачатіе преп. Сергія, и не будь другой царской грамоты, въ которой слова найденной Снегиревымъ грамоты поясняются какъ значація, что преп. Сергій зачалъ, основать пустыню, то не невозможно, что ложное мнѣніе о зачатіи преп. Сергія въ Гороховецкомъ уѣздѣ стало бы общимъ мнѣніемъ. Всякій читатель, который будетъ читать книжку Снегирева безъ предварительныхъ свѣдѣній о преп. Сергій, согласится съ его ошибочнымъ заключеніемъ. А потому я и счелъ своимъ долгомъ (и долгомъ непремѣннымъ) сдѣлать свое замѣчаніе. А затѣмъ и еще позволяю себѣ прибѣгнуть подъ покровительство примѣра о. Никона. Въ житіи преп. Сергія, читаемому у пресв. Филарета Черниговскаго въ Житіяхъ святыхъ, въ разсказѣ о приходѣ къ преп. Сергію въ пустыню первыхъ учениковъ, говорится, что самый первый пришедшій,—Василій Сухой, пришолъ съ береговъ сѣверной Двины. Это есть очевидная ошибка писца или опечатка типографщика вмѣсто: съ верха или съ верхней Дубны (текущей весьма недалеко отъ Троицкаго монастыря), и однако о. Никонъ, хотя и признаетъ это за очевидную ошибку писца, т. е. признаетъ за нѣчто такое, о чемъ вовсе не стоило бы говорить, считаетъ своимъ долгомъ сказать объ этомъ (прим. 64).

„Описывая мѣсто, гдѣ основана Лавра, Голубинскій говоритъ: „Среди бора протекала маленька рѣчка ... Откуда она это взяла? Въ житіи Елифанія прямо сказано, что можно было найти и немного въ

низкихъ мѣстахъ воды, но о рѣчкѣ—ни слова. Она понадобилась автору только для того, чтобы потомъ отрицать преданіе, идущее отъ времени Пахомія (съ половины 15-го вѣка), что эта рѣчка и есть тотъ источникъ, который исцрошенъ молитвами Преподобнаго“.

Откуда это въ самомъ дѣлѣ знаю я о рѣчкѣ, когда о ней у Епифанія ни слова? Но у Епифанія ни слова не говорится о томъ, что когда преп. Сергій основывалъ Лавру, то надъ мѣстомъ, на которомъ онъ ее основывалъ, висѣло небо. Если бы я сказалъ, что надъ мѣстомъ Лавры во время основанія послѣдней преп. Сергіемъ висѣло небо, спросилъ ли бы меня анонимъ: откуда я это знаю, когда у Епифанія объ этомъ ни слова? О рѣчкѣ я знаю очень просто, изъ того, что она досихъ поръ течетъ подъ монастыремъ. Когда анонимъ обвиняетъ меня далѣе, будто я отрицаю преданіе, идущее отъ половины 15-го вѣка, то, конечно, хочетъ сказать не только то, что я плохой ученый, а и то, что я ученый весьма дерзкій, не признающій никакихъ преданій. Но что вы, читатель, скажете о человекѣ, который обвиняетъ меня въ томъ, въ чемъ напротивъ долженъ былъ бы я обвинять его или сваливаетъ съ большой головы на здоровую? Скажете, конечно, что хорошъ молодець! А анонимъ поступаетъ именно такимъ образомъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Монастырь преп. Сергія нѣкоторое время при его жизни бѣдствовалъ отъ отсутствія воды и преподобный доставилъ ему воду чудеснымъ образомъ. Жизнеописатель преподобнаго Епифанія говоритъ, что онъ чудеснымъ образомъ извелъ „источникъ велиій“ воды; то же говоритъ и сократитель Епифаніева житія Пахомій сербъ; но въ одномъ спискѣ Пахоміева сокращения, какъ указалъ покойный А. В. Горскій (Историческое описаніе Лавры, гл. II, прим. 2), вмѣсто источника говорится о рѣчкѣ, т. е. что преп. Сергій не извелъ источникъ, а сотворилъ рѣку. Нѣкоторые изъ современныхъ (т. е. современныхъ намъ, выпѣвшихъ) біографовъ преп. Сергія, желая отличиться и прославиться той повизной мнѣнія, въ страсти къ которой обвиняетъ меня анонимъ, горячо стали за эту рѣку противъ источника. Анонимъ принадлежитъ къ числу сторонниковъ рѣки и въ непризнаваніи мною того, что преп. Сергій создалъ ее, и обвиняетъ онъ меня. Но спрошу я его въ свою очередь: какое имѣетъ онъ право предпочитать

одинъ списокъ сокращенія Пахоміева всеѣмъ спискамъ Пахомія и потомъ всеѣмъ спискамъ Елифанія? Не значить это поступать совершенно произвольно и безъ малѣйшаго уваженія къ авторитету свидѣтелей? Если бы и во всеѣхъ рѣшительно спискахъ сокращенія Пахоміева говорилось о рѣкѣ, то и тогда мы не имѣли бы никакого права предпочитать его Елифанію, а должны были бы просто видѣть у него не болѣе какъ произвольную поправку Елифанія (сгг Ключевскаго Житія, стр. 131). Я указалъ въ моей книгѣ, что это предположеніе о рѣкѣ явилось очень простымъ образомъ; а, отнявъ рѣку у людей желавшихъ прославиться новымъ мнѣніемъ, я, разумѣется, привелъ ихъ въ ярость; анонимъ принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ числу сторонниковъ рѣки и вотъ inde между прочимъ его на меня ігае (отсюда его гнѣвъ, а въ нѣсколько усиленномъ и болѣе точномъ переводѣ --его ярость). Какой-то грамотѣй XV вѣка, читая въ житіи Елифаніевомъ о томъ, что монастырь преп. Сергія страдалъ отъ недостатка воды, пришелъ въ недоумѣніе, которое раздѣляютъ съ нимъ и нѣкоторые новыя: какъ же монастырь могъ бы страдать отъ недостатка воды, если бы подъ нимъ протекала рѣчка; отсюда онъ заключилъ, что рѣчки не существовало до основанія монастыря и что она создана преп. Сергіемъ уже послѣ основанія монастыря. Но въ вопросѣ о водѣ рѣчка не при чемъ и такъ сказать совершенно въ сторонѣ. Она была весьма мелка и мутная вода ея была до такой степени плоха, что не годилась къ употребленію. Преп. Сергій, живъ въ пустынѣ одинъ, а потомъ и съ монахами монастыря, явившагося около его кельи, бралъ воду изъ источника или ключа, близъ котораго онъ поставилъ свою келью на берегу рѣчки. Съ теченіемъ времени источникъ закрылся и монахи и на берегу рѣчки оказались безъ воды, за которою пужно стало ходить къ другому источнику, находившемуся отъ монастыря далеко. Тогда преп. Сергій чудесно извелъ подъ монастыремъ другой „источникъ велиіи“ воды. Въ книгѣ моей читатель найдетъ обстоятельныя рѣчи обо всемъ этомъ (стрр. 36 и 92) !).

1) Не догадался я указать въ книгѣ на весьма простое, но въ тоже время и совершенно рѣшительное, доказательство, что рѣчка не создана

„Чтобы не быть согласнымъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, онъ прибѣгаетъ къ толкованію именъ изъ финскихъ словъ, хотя конечно финскаго языка не знаетъ. Чего проще слова: „Маковецъ“, „Пѣшиноша?“ Пять вѣковъ ихъ понимали по-русски, какъ производныя отъ словъ: маковка, пѣшигъ носилъ,—по Голубинскому это кажется выдумкой „любителей замысловатаго“, тогда какъ онъ и есть самъ любитель замысловатаго... Онъ отсылаетъ читателя къ финнамъ, если онъ хочетъ знать значеніе этихъ словъ, а самъ такъ и не говорить, что они значатъ“.

Тутъ анонимъ написать пѣчто такое, по поводу чего мнѣ хочется сказать ему: „пять вѣковъ, взобравшись на нашу Троицкую колокольню, смотрятъ на тебя, господине (отче?), съ ея высоты и разводять руками“. Слово „маковецъ“ дѣйствительно имѣетъ пятивѣковую, и даже болѣе чѣмъ пятивѣковую, давность; правда и то, что нѣкоторые старые русскіе люди производили его отъ маковки или, точнѣе говоря,—понимали его въ смыслѣ маковки, о чемъ я прямо говорю въ моей книгѣ (стр. 89, прим. 13); но на самомъ-то дѣлѣ производить слово маковецъ отъ слова маковка значить являть изъ себя филолога, что называется, доморощеннаго и быть на смѣхъ если не курамъ, то по крайней мѣрѣ добрымъ людямъ: пусть анонимъ обратится съ спросомъ къ настоящимъ филологамъ и ему скажутъ, что маковецъ (котораго нѣтъ, какъ русскаго слова, о чемъ я говорю и въ книгѣ) не можетъ быть производимъ отъ маковки. Что касается до слова „пѣшиноша“, то, во первыхъ, оно не есть настоящее русское слово,—настоящее русское слово было бы—пѣшиноша; а во вторыхъ, знаетъ ли анонимъ, какъ велика древность употребленія этого слова въ качествѣ названія Песношскаго монастыря, которую онъ считаетъ пятивѣковою? Вотъ ему 5-й томъ Исторіи іерархіи, напечатанный въ 1813-мъ году; на стр. 520-й этого тома читаемъ: „Песношскій, Пестушскій или Пестушенскій Николаевскій Московской Епархіи заштатный мужескій монастырь, находится въ Дмитровскомъ уѣздѣ“ и пр.; „названіе Песношскаго монастыря имѣетъ отъ рѣки Песноши, на берегу которой онъ стоитъ“ ¹⁾... Исторія іерархіи, какъ

прим. Сергіевъ, а существовала до основанія монастыря Рѣчка называется Коичурой; названіе это есть несомнѣнно не русское, а финское, названіе; следовательно... (что изъ этого съ необходимостію слѣдуетъ, о томъ сейчасъ ниже).

¹⁾ Пестушскій, Пестушенскій. можетъ быть, опечатка вмѣсто: Песбуш-

мы сказали выше, составлена на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ самыхъ монастырей; слѣдовательно, вотъ еще когда Песнопешскій монастырь не называется быль Пѣшношскимъ. Но мы можемъ прямо сказать анониму: съ какого времени и отъ кого именно идетъ названіе монастыря Пѣшношскій. Оно идетъ съ 1815 --1816 года, отъ извѣстнаго К. Ѳ. Калайдовича, который съ 15 іюля 1815-го года по 16 іюля 1816-го года жилъ въ Песнопешскомъ монастырѣ и который составилъ его описаніе, напечатанное въ 1837-мъ году (уже послѣ смерти автора) подъ заглавіемъ: „Историческое и топографическое описаніе мужескаго общежительнаго монастыря святаго чудотворца Николая, что на Пѣшношѣ, съ присовокупленіемъ устава его и чиноположенія. Составлено изъ записокъ покойнаго К. Ѳ. Калайдовича“ (см. этого описанія монастыря по этому 1-му изданію стр. 8 и сноси съ книгой *Н. Барсукова*: „Жизнь и труды П. М. Строева“, стр. 22) ¹⁾.

Извѣтельное замѣчаніе анонима, что я, конечно, финнскаго языка не знаю, совершенно справедливо. Но я думаю, что каждый мальчикъ, учившійся географіи, объяснить, какъ я, не зная финнскаго языка, могу признавать слова: маковецъ и песнопа за слова финнскія. Слова эти — не

скій, „Песнушескій“, какъ иногда называется монастырь (см. напр. грамоту патр. Іоакима въ XII т. Дополненій къ Акт. Цер., № 58, стр. 346), ибо рѣчка зовется Песношей и Песнушей; но, съ другой стороны, на вѣщающей у насъ картѣ московской губерніи (не знаешь, когдашняго сочиненія, но весьма недавняго изданія) стоитъ: „Никола на Песуни“, а также и въ одной официальной бумагѣ прошлаго вѣка встрѣтили мы названіе: Пѣсунешская обитель.

¹⁾ Песнопешскій монастырь стоитъ при впаденіи рѣчки Песноши въ рѣку Яхрому. А относительно названія Яхромы Карамзинъ сообщаетъ „анекдотъ“, что-де супруга вел. кн. Варія Владиміровна Долгоукова обступилась на берегу рѣки близъ Дмитрова, сказала: *и ермои*, и этими словами дала ей ея имя, — Ист. II, прим. 377. Этотъ анекдотъ о названіи Яхромы навелъ Калайдовича на мысль (воодушевлялъ сочинять анекдотъ и о названіи монастыря. — Не только митр. Платонъ (въ Исторіи русской церкви, II, 42 стр.) и Карамзинъ (въ Исторіи, см. Index) называютъ монастырь Пѣсношскимъ, Николаевскимъ на Пѣсноши, но еще и митр. Филаретъ называетъ его Пѣсношей Пѣсношскимъ и Пѣсношескимъ монастыремъ (см. его письма къ намѣстника въ Лавры Аоднасію и Автоію, — первая въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ 1886 г., кн. III и IV, вторая въ особомъ изданіи).

русскія; слѣдовательно, онѣ принадлежать тому народу, который прежде насъ—русскихъ жилъ въ московской губерніи; а всѣмъ извѣстно, что прежде насъ—русскихъ жили въ московской губерніи финны.

Слова анонима: „онѣ отсылать читателя къ финнамъ“... представляютъ не ѣдкую остроту надо мной, а лишь то, что нѣмцы называютъ Plumpheit и Dummheit, и вмѣстѣ показываютъ, что онѣ способны противорѣчить себѣ на двухъ строкахъ: я и не думалъ отсылать читателя къ финнамъ (въ чемъ можетъ убѣдиться самъ читатель, посмотрѣвъ въ мою книгу,—стрр. 57 и 87, прим. 13); и какъ въ одно и то-же время анонимъ и предполагаетъ,—совершенно справедливо, что я не знаю финнскаго языка, и укоряетъ меня за пожеланіе сказать, что значатъ слова?

Если у анонима есть совѣсть, то послѣ сдѣланной мною для него справки о названіи Песнопешскаго монастыря Пѣшнопешскимъ онѣ долженъ бы взять назадъ свои слова о мнѣ, что я самъ и емь любитель замысловатаго ¹⁾).

„Удивительно съ какою самоувѣренностью авторъ, вмѣсто какихъ-нибудь доказательствъ, просто хочетъ увѣрить читателя своимъ словомъ: у него то и дѣло встрѣчаются вырженія: „надобно думать“, „необходимо думать“, „необходимо представлять“, „дѣло было, конечно, такъ“ и пр., и все это тогда, когда именно нужны доказательства, потому что авторъ въ такихъ случаяхъ приводитъ просто свое личное мнѣніе, въ разрѣзъ съ мнѣніями всѣхъ биографовъ преподобнаго Сергія идущее. „Старшій братъ, конечно, усиленнымъ образомъ звалъ изъ пустыни младшаго“... Но позвольте, г. докторъ исторіи: откуда вы это взяли? Не наоборотъ-ли: младшій умоляя старшаго не оставлять пустыни?... Гдѣ доказательства этого вашего докторальнаго „конечно“?...“

Если-бы анонимъ подтвердилъ свои обвиненія положительными доказательствами, тогда можно было бы отвѣ-

¹⁾ Въ назиданіе анонима, который укоряетъ меня за мое скептическое отношеніе къ недревнимъ преданіямъ, позволю себѣ указать ему на одинъ примѣръ преданія, сейчасъ творящагося. Въ ризницѣ Троицкой Лавры хранятся евангеліе и служебникъ, которые принадлежали ученику преп. Сергія и его преемнику на игуменствѣ въ монастырѣ преп. Никону. До весьма недавняго времени слово „принадлежали“ всѣмъ понимаемо было такъ, что книги, относясь ко времени преп. Никона, были имъ употребляемы или же не только были имъ употребляемы, а и составляли его частную собственность, но никто не говорилъ, чтобы онѣ были написаны имъ самимъ или составляли его собственное рукописаніе (этого послѣдняго не говорить еще о нихъ и прямо признасть еще ту и дру-

ныхъ предположеній, т. е. что людямъ свойственно ошибаться. Человѣкъ твердо убѣжденъ былъ въ справедливости своего новаго мнѣнія; но мнѣніе оказывается неосновательнымъ: какое тутъ ему наказаніе, кромѣ того, чтобы его мнѣніе было отвергнуто? А назначить какое нибудь другое наказаніе людямъ, высказывающимъ новыя мнѣнія, въ справедливости которыхъ они убѣждены, значило бы сказать всему мышленію человѣческому: стой. Если бы анонимъ прямо указалъ какое нибудь мое новое мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніями всѣхъ биографовъ преп. Сергія, и показалъ его неосновательность или нелѣпность, тогда и отвѣчалъ бы ему. А чѣмъ отвѣчать на обвиненіе голословное, какъ все не тѣми же словами Демосфена: *τοῦτο γὰρ ἐστὶν ὁ συκοφάντης*, и пр.?

Къ чему анонимъ, задавая мнѣ свой вопросъ, величаетъ меня докторомъ исторій? Докторъ исторій, какъ и докторъ всякой другой науки, есть нѣчто очень почтенное и чтобы высказывать свое пренебреженіе къ этой высшей ученой степени и издѣвался надъ нею всякій анонимъ, всякій заугольный N X и всякій немо, это до крайности прискорбно. Впрочемъ, г. П., по всей вѣроятности, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что если бы совѣмъ не было у насъ докторовъ никакихъ наукъ, то было бы гораздо лучше, ибо это жалкое вѣрованіе, что наше спасеніе въ невѣжествѣ, у насъ достаточно сильно (Да что, впрочемъ, и дивиться на какого-то анонима, что онъ высказываетъ свое презрѣніе къ степени доктора исторій, когда не находитъ въ этомъ ничего страшнаго профессоръ академіи и, можетъ быть, и самъ докторъ какой нибудь науки, давъ мѣсто пасквилю въ своемъ журналѣ).

Откуда я взялъ, что Стефанъ звать Сергія изъ пустыни, ясно указываю я словомъ „конечно“. т. е. ясно даю я знать, словомъ „конечно“ что я предполагаю это. Если я не говорю, что наоборотъ Сергіи умолялъ Стефана не оставлять пустыни, такъ не потому, чтобы я этого не допускалъ, — само собою разумѣется, что я вполне допускаю это, а потому, что мнѣ не нужно было говорить объ этомъ, — потому, что у меня рѣчь не о Стефанѣ, а о Сергіи. Сергіи пошолъ въ пустыню съ твердымъ рѣшеніемъ не оставлять ея; вотъ, я и хочу сказать, что онъ, несмотря на бѣгство отъ него

Стефана и несмотря на настоятельное приглашеніе послѣдняго идти изъ пустыни вмѣстѣ съ нимъ, пребылъ вѣренъ своему рѣшенію. У меня говорится вотъ что: „не могшій стерпѣть пустыни и бѣжавшій изъ нея старшій братъ, конечно, усиленнымъ образомъ звалъ изъ нея и младшаго брата, которому предстояло въ пустынѣ совершенноо одиночество. Но преподобный Сергій, разъ пришедши въ пустыню, уже не хотѣлъ уходить изъ нея и когда бѣжалъ отъ него его товарищъ, онъ, возлагая свое упованіе на Бога, рѣшился остаться въ пустынѣ и одинъ, чтобы подвизаться подвигомъ, котораго не намѣревался на себя брать и чтобы представлять изъ себя подвижника, дотолѣ невиданнаго у насъ на Руси“. Если бы не были справедливы слова Плутарха, что *οἱ θεοὶ, καθόπερ οἱ χεῖρες, τοῦτ' ἐξέλιπονται*, то апонимъ, конечно, вовсе не задалъ бы мнѣ своего вопроса (я хочу допытъ анонима языческими писателями въ той надеждѣ, что авось онъ, видя противъ себя даже и этихъ писателей, пойметъ и сознаетъ, что его поведеніе весьма неодобрительно).

Епифаній, по словамъ самого Голубинскаго, представляетъ дѣло введенія общезнѣнія такъ, что въ одинъ день, „совершенно неожиданно“ пришли къ Сергію посланные отъ Константинопольскаго патріарха Филофея и пр. Авторъ говоритъ: „необходимо представлять дѣла иначе. . Патріархъ не могъ самъ собою прислать Сергію посланіе, ибо вовсе не могъ знать о немъ“. А самъ же говоритъ, что не можетъ быть, чтобы св. Алексій, проведеншій дѣлшй годъ въ Царьградѣ при поставленіи его въ митрополита, ничего не разсказалъ патріарху о преп. Сергіѣ. „Необходимо предполагать, утверждаетъ Голубинскій, что патріархъ написалъ преп. Сергію посланіе по просьбѣ св. Алексія (авторъ вездѣ пишетъ: „Алексій“, а не „Алексій“)... Алексій и Сергій рѣшились прибѣгнуть къ авторитету патріарха, который-бы своимъ голосомъ подтвердилъ и одобрилъ ихъ благое прешрїятіе. Выходитъ, что Сергій просилъ Алексія, Алексій просилъ патріарха, который по просьбѣ послѣдняго и написалъ посланіе. Получивъ посланіе, преп. Сергій поступилъ, выражаясь языкомъ того же Голубинскаго, „себѣ на умъ“ притворился предъ братіями, что не вѣритъ, будто ему писано посланіе, и пошелъ къ митрополиту, и только тамъ вскрылъ письмо. . Такъ вѣдъ разсказываетъ Епифаній внѣшнюю сторону дѣла, а внутренній смыслъ разсказа объясняетъ намъ „докторъ церковной исторіи“. Но не будетъ ли это худою на великаго и смиреннѣйшаго Сергія? Возможно-ли допускать притворство въ его-то характерѣ? Или ужъ не вѣритъ Епифанію, а вѣритъ Голубинскому, который трижды на одной страницѣ говоритъ: „необходимо представлять“, „необходимо думать“, „необходимо предполагать“, а на слѣдующей еще разъ: „необходимо думать“...

Въ моихъ рѣчахъ о введеніи преп. Сергіемъ общежитія въ своемъ монастырѣ анонимъ находитъ противорѣчіе: я, по его словамъ, говорю, что патріархъ не могъ знать о преп. Сергіи и въ тоже время говорю, что св. Алексій сообщилъ патріарху о преп. Сергіи, слѣдовательно — говорю, что патріархъ зналъ о преп. Сергіи. На самомъ дѣлѣ въ моихъ рѣчахъ нѣтъ никакого противорѣчія и только анонимъ нелѣпнымъ образомъ перетолковываетъ ихъ. Я говорю, что патріархъ *самъ по себѣ* не могъ знать о преп. Сергіи и что *поэтому* необходимо предполагать извѣщеніе о немъ патріарху св. Алексія (стр. 22): какое же тутъ противорѣчіе? Что св. Алексій извѣстилъ патріарха о преп. Сергіи, это необходимо предполагать потому, что самъ по себѣ патріархъ не могъ знать о Сергіи: у меня два положенія, находящіяся между собою въ причинной связи, а анонимъ обвиняетъ меня въ противорѣчьи себѣ; я говорю объ одномъ, а анониму кажется другое... „Выходитъ, говоритъ онъ, что Сергій просилъ Алексія, Алексій просилъ патріарха, который по просьбѣ послѣдняго и написалъ посланіе“. Дѣйствительно, выходитъ почти это, а именно, — что не Сергій просилъ Алексія, но что Сергій и Алексій согласились между собою (у меня въ книгѣ стр. 22—23): но чтò изъ того, что это выходитъ? Признаетъ ли анонимъ такое представленіе дѣла за неправильное, неосновательное, онъ ничего не говоритъ; а потому и я долженъ оставить его слова безъ всякаго замѣчанія.

Если бы то, чтò читается у анонима во второй половинѣ выписаннаго отдѣла какъ принадлежащее мнѣ, на самомъ дѣлѣ принадлежало мнѣ, то я дѣйствительно позволялъ бы себѣ тяжкую хулу на преп. Сергія. Но знаете ли, читатель, какъ анонимъ достигаетъ того, чтобы обвинить меня въ тяжелой хулѣ на преп. Сергія? Очень просто, посредствомъ мерзкой клеветы на меня или посредствомъ усвоенія мнѣ такихъ рѣчей, которыхъ я вовсе и не думалъ говорить. Такъ какъ обвиненіе въ тяжелой хулѣ на преп. Сергія очень важно, то считаю нужнымъ выписать изъ моей книги все то мѣсто, въ которомъ я говорю о введеніи преп. Сергіемъ общежитія въ своемъ монастырѣ. Вотъ оно: „Жизнеописатель преподобнаго Сергія представляетъ дѣло о введеніи имъ въ своемъ монастырѣ

общежитія такимъ образомъ, что въ одинъ день совершенно неожиданно пришли къ Сергію посланные отъ Константинопольскаго патріарха Филооса, что эти посланные прислали ему въ поминокъ или въ даръ отъ патріарха крестъ, парамандъ и схиму, а вмѣстѣ прислали ему и посланіе, въ которомъ патріархъ послѣ выраженія своей радости объ его добродѣтельнымъ житіи увѣщевалъ его восполнить одну недостаточествующую ему главизну—вести въ своемъ монастырѣ общее житіе и что преподобный Сергій послѣ совѣта со святымъ митрополитомъ Алексѣемъ и исполнилъ волю патріарха — ввелъ въ монастырѣ общежитіе. Необходимо представлять дѣло нѣсколько иначе, именно—думать, что преподобный Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе не потому, чтобы это присовѣтовалъ ему патріархъ, а потому что онъ самъ хотѣлъ этого и что хотѣлъ этого вмѣстѣ съ нимъ святой митрополитъ Алексѣй, и что они Сергій и Алексѣй лишь прибѣгли къ авторитету патріарха, дабы придать своему начинанію большую твердость. Патріархъ не могъ самъ собой прислать Сергію посланія, ибо вовсе не могъ знать о немъ (а думать, будто до патріарха могла дойти слава Сергія уже въ то время, къ которому должно быть относимо введеніе имъ въ монастырѣ общежитія, совѣтъ невозможно). Необходимо предполагать, что патріархъ написалъ преподобному Сергію посланіе по просьбѣ святаго Алексѣя, обращенной къ нему этимъ послѣднимъ во время бытности въ Константинополь для посвященія въ митрополиты (бытности цѣлогодичной въ 1853 — 54-мъ году). А для Сергія и Алексѣя, какъ мы сказали, нужно было посланіе патріарха, чтобы при помощи его придать своему начинанію большую твердость. Представляя собою людей исключительныхъ и мужей богоизбранныхъ, они одушевились ревностію возстановить въ нашихъ монастыряхъ истинный монашескій образъ жизни — общежитіе. Но то, о чемъ ревновали они, нѣсколько не могло быть пріятно для большинства нашихъ монаховъ и вовсе не могло быть встрѣчено имъ съ готовностію и радостію. И вотъ, чтобы подѣйствовать на это большинство, Алексѣй и Сергій и рѣшились прибѣгнуть къ авторитету патріарха, который бы своимъ голосомъ верховнаго пастыря Русской церкви подтвердилъ и одобрилъ ихъ благое предпріятіе. Необходимо

думать, что посланные патріарха, принеши Сергію его грамоту, были тѣ его посланные, которые сопровождали святаго Алексѣя въ Россію, послѣ того какъ онъ былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты. А святой Алексѣй возвратился изъ Константинополя съ поставленія въ митрополиты осенью 1354-го года. Если бы преподобный Сергій предпринять вводить въ своемъ монастырѣ общежитіе, не имѣя грамоты патріарха, то несомнѣнно, что онъ встрѣтилъ бы сильный ропоть противъ себя и даже прямые протесты. Въ виду грамоты патріарха, не только одобрявшей предпріятіе, но даже какъ бы нарочито требовавшей его, ропоть, разумѣемъ открытый, и протесты были невозможны; однако не все монахи Сергіева монастыря согласились на то, чтобы жить по повому; нашлись между ними такіе, не знаемъ—многіе ли, которые рѣшительно не хотѣли общежитія и тайно и ушли изъ монастыря“ (стр. 22 нач. 23).

Будьте добры, любезный читатель, прочтите вышесказанное мѣсто не однажды, а дважды и трижды, и потомъ скажите по совѣсти: есть ли тутъ что нибудь похожее на тѣ рѣчи, которыя усвоилъ мнѣ апонимъ? Что же я ему отвѣчу? У меня нѣтъ другаго отвѣта ему кромѣ того, чтобы напомнить ему, что Василій Великій назначаетъ весьма тяжкое наказаніе клеветникамъ.

Апонимъ инсинуируетъ на меня, будто я считаю преп. Сергія человѣкомъ „себѣ на умѣ“. Этого „себѣ на умѣ“ онъ не выдумываетъ, оно у меня есть; но только онъ, употребляя свойственный ему беззастѣнчивый способъ созданія противъ меня обвиненій, придаетъ моимъ словамъ какъ разъ обратный смыслъ противъ того смысла, въ которомъ употребляю ихъ я, вмѣсто отрицательнаго смысла, какой онѣ имѣютъ у меня, придаетъ имъ смыслъ положительный. Изображая личный характеръ преп. Сергія по Епифанію, я говорю, что онъ „былъ незлобивъ и простъ безъ всякой примѣси хитрости и такъ называемаго „себѣ на умѣ“ (была въ немъ „простота безъ нестроты“, какъ выражается жизнеописатель), стр. 30; а апонимъ инсинуируетъ на меня, будто я считаю преп. Сергія человѣкомъ себѣ на умѣ!

Е. Голубинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Голубинский Е. Е. Ответ на статью: Н. Московский академический историк о житии преподобного Сергия // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 11. С. 368–393 (2-я пагин.). (Окончание.)

Отвѣтъ на статью: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“, напечатанную въ журналѣ „Странникъ“.

(Окончаніе)¹⁾.

„На страницѣ 43-й Голубинскій пишетъ панегирикъ знаменитому въ своемъ родѣ Митяю. „Онъ былъ исполненъ столькихъ же достоинствъ, какъ и Пиконъ (патріархъ), если даже не большихъ. Но онъ почему то не совсемъ правился святому Алексѣю и этотъ предпочиталъ ему Сергія“. Далѣе авторъ говоритъ, что „святой Алексѣй далъ потомъ благословеніе свое Митяю на митрополию“. Обидно читать это сопоставленіе Митяя съ преподобнымъ Сергіемъ, обитель котораго Митяй грозилъ разорить до основаній. Уже по одному этому можно судить, что за птица былъ сей пресловутый Митяй. Вѣдь за что либудь да прозвали его современники такимъ унижительнымъ именемъ (полуименемъ). Вѣдь самъ Угодникъ Божій предсказалъ ему смерть вѣи отечества (объ этомъ конечно Голубинскій умалчиваетъ благоразумно—легенда—де!). „И вдругъ—святой Алексѣй почему-то предпочиталъ“ этому проходимцу Преподобнаго Сергія! Какъ вамъ покажется это: почему-то? Стало быть автору непонятно это предпочтенію, стало быть авторъ полагаетъ, что Митяй былъ не хуже Сергія?... „Михаила, видите ли, очернилъ предъ потомствомъ митр. Кириіанъ, у котораго онъ восхитилъ было кафедру митрополіи“, это Кириіанъ написалъ „худительное сказаніе“ о Митяѣ... Удивительная страсть: нес, что доселѣ хвалили, унижать, все, что бранили, хвалить“...

Совершенно правда, что я держусь новаго мнѣнія противъ предшествующихъ историковъ объ архимандритѣ Михаилѣ, по прозванію Митяѣ; но это вовсе не по моей страсти хвалить то, что бранять другіе, и бранить то, что хвалятъ другіе, а потому, что я убѣжденъ въ основательности своего новаго мнѣнія. Извѣстны примѣры несправедливости исторіи къ людямъ, т. е. что люди весьма хоро-

¹⁾ См въ октябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“.

шіе слыли и слывуть въ ней за людей весьма худыхъ; Митяй, по моему твердому убѣжденію, принадлежитъ именно къ числу людей, къ которымъ была несправедлива наша исторія; возстановить его репутацію я считаю своимъ долгомъ и исполненіе этого долга я вмѣняю себѣ въ заслугу (а люди, подобные анониму, могутъ смѣяться надо мной, сколько хотять). Въ лѣтописяхъ читаются двѣ біографіи Митяя: одна, идущая изъ лагеря враждебнаго ему (какъ и увѣрять и имѣю основанія думать, — отъ митр. Кипріяна): въ этой біографіи онъ сильно порицается; другая, принадлежащая не хулителю его, но и не пристрастному его стороннику: въ этой второй біографіи онъ превозносится до небесъ и выставляется человѣкомъ феноменальнѣйшимъ. Если мы нѣсколько и сбавимъ съ похвалъ второй біографіи, то все таки останется передъ нами человѣкъ замѣчательнѣйшій ¹⁾. Говорится о Митяѣ, что все духовенство ненавидѣло его и молило Господа Бога, чтобы онъ не сталъ митрополитомъ. Изъ этого заключаютъ, что Митяй былъ человѣкъ пехоршій. А дѣйствительное заключеніе изъ этого

1) Чтобы не быть обвинену въ голословности, привожу недлинную біографію въ примѣчаніи. „Подобаетъ же вѣдати, кто есть архимандритъ Митяй и откуда бѣ родомъ: сей убо архимандритъ Митяй, сынъ Тѣшиловскаго попа Ивана, иже на рѣцѣ Ожѣ, и потомъ Митяй бысть единъ отъ Коломенскихъ поповъ, возрастомъ (ростомъ) же великъ зѣло и широкъ, высокъ и напругъ (силенъ, мускулистъ), плечи (имѣя) великіи и толсты. брада плоска и долга, и лицемъ красенъ (красивъ), рожаемъ и саломъ (наружной представительностію и наружной красотой) превзыде всѣхъ человѣкъ; рѣчь легка и чиста и громогласна, гласъ же его красенъ зѣло, износящъ словеса и рѣчи сладостны зѣло, грамотѣ добръ гораздо. Теченіе веліе имѣя по книгамъ, и виду книжную толку, и чтеніе сладко и премудро, и книгами глаголати премудръ зѣло и вѣстоже обрѣтаеть таковъ. И пѣти парочить, и въ дѣлахъ и въ судехъ и въ разсуженіяхъ изыщень и премудръ, и слово и рѣчь чисту и незакоснѣвающу имѣя и память велію; и древними повѣстьми и книгами и притчами духовными и житейскими никтожъ таковъ обрѣтаеть глаголати, и того ради избранъ бысть хотѣнемъ и любовію великаго князя Дмитрея Ивановича во отечества (sic, т. е. въ духовные отцы) и въ печатники. И бысть поць Митяй отецъ духовный великому князю Дмитрію Ивановичу и печатникъ, южь (т. е. печать,— тутъ, очевидно, пропускъ) на себѣ пошаше. И прихожахужъ къ нему на духъ бояре и вельможи; и бысть Митяй вонъ въ чти и славъ отъ великаго князя и отъ всѣхъ, и яко нѣкѣй царь величатеся, и многи слуги и отроки имѣя. И бысть въ таковомъ чину и устроеніи многа лѣта, славу

есть то, что онъ былъ человѣкъ изъ ряду вонъ хорошій (апонимъ, конечно, поспѣшишь захохотать, но только напрасно, по пословицѣ: поспѣшишь, насмѣшишь). Вступивъ въ управленіе митрополіей тотчасъ послѣ смерти св. Алексія (на что уполномоченъ былъ патріархомъ), онъ тотчасъ же принялся за суровый „переборъ“ не отличавшагося тогда большою доброкачественностію духовенства, причеъ не шадилъ даже и епископовъ, т. е. показалъ желаніе исправить духовенство и съ поспѣшностію приступилъ къ исполненію желанія; естественно, что духовенство, ожидая въ немъ строгаго своего исправителя, возненавидѣло его и начало молить Бога, чтобы онъ не сталъ митрополитомъ. Св. Алексій, пытавшійся было назначить на свое мѣсто преп. Сергія, потомъ благословилъ Митяя въ свои преемники и далъ ему свою благословенную грамоту,—это мы знаемъ отъ такого достовѣрнаго свидѣтеля, какъ митр. Кипріанъ (который сильно укоряетъ за грамоту св. Алексія). Еще при жизни св. Алексія было отправляемо изъ Москвы посольство въ Константинополь къ патріарху съ просьбою, чтобы въ случаѣ смерти его — Алексія не былъ признаваемъ отъ патріарха за митрополита всея Руси митрополитъ литовскій Кипріанъ, а былъ поставленъ въ таковыя Митяй, и отъ патріарха была получена въ Москвѣ грамота, въ которой изъявлялось полное согласіе на просьбу и которою въ случаѣ смерти св. Алексія вручалась Михаилу вся власть надъ русскою церковію кромѣ рукоположенія,—это извѣстно документальнымъ образомъ, изъ официальной бумаги.

Совершенно ни откуда не видно, чтобы прозваніе или прозвище Митяй, которое имѣлъ архимандритъ Михаилъ, дано было ему въ Пасмѣшку. Но если бы это было и такъ, то и изъ сего ничего бы не слѣдовало, ибо мы знаемъ примѣры совершенно несправедливыхъ насмѣшливыхъ прозваній. Современника Митяева, св. Стефана Пермскаго

и честь имѣя велию наче всѣхъ... и всѣ чествоваху его якоже нѣкоего царя. И что прочее глаголати, никтоже въ таковой чести и славѣ бысть, якоже онъ, понеже и отецъ (духовный) бысть великому князю и властно-вашеся, кождо (еликождо?) хотяше, и много лѣтъ бысть въ таковомъ житіи и устроеніи, любляху ево вси... Князь же великій любляше его зѣло, такоже и бояре его...; князь великій Дмитрей Ивановичъ зѣло любляше Митяя и чествоваше его. яко отца, наче всѣхъ"... *Никон. лѣт. IV, 68.*

анонимъ, конечно, не считаетъ за худаго человѣка; а между тѣмъ жизнеописатель его,—тотъ же Елифаній, который написалъ житіе преп. Сергія, укоряя его недоброжелателей, говоритъ: „знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху, отнюдуже нѣщны яко и храпомъ ты зваху“... (Памятники старинной русской литературы, изд. *Кушел. - Безбородко*. I, 161). Когда я говорю, что св. Алексій почему-то предпочиталъ Михаилу-Митю преп. Сергія, то я рѣшительно не имѣю намѣренія сказать что нибудь оскорбительное для преподобнаго и анонимъ совершенно напрасно приходитъ въ страшное (нужно, впрочемъ, думать, что дѣланное) негодованіе. Слова мои относятся не къ Сергію, а къ Алексію (какъ это ясно видно въ ихъ полномъ видѣ: „по онъ (Митяй) почему-то не совѣмъ правился святому Алексію и зтотъ предпочиталъ ему Сергія“,—стр. 43). Я хочу сказать: св. Алексій зналъ, что у вел. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго предъизбранъ былъ въ преемники ему архимандритъ Михаилъ-Митяй, и однако онъ пытался было назначить въ свои преемники преп. Сергія: очевидно, поясняю я это, что Митяй не совѣмъ правился св. Алексію и что святитель предпочиталъ ему, т. е. предпочиталъ видѣть своимъ преемникомъ, преп. Сергія. Что тутъ обиднаго для послѣдняго и есть ли основаніе приходиться отъ моихъ словъ въ страшное негодованіе? Притомъ же я, конечно, говорю съ моей точки зрѣнія на Митяя, а не съ точки зрѣнія на него другихъ, т. е. считая его за человѣка выдающагося хорошаго, а не за человѣка очень дурнаго, что въ книгѣ я объясняю. Равнымъ образомъ я объясняю въ книгѣ и то, что Михаилъ-Митяй имѣлъ гнѣвъ на преп. Сергія по извинительному недоразумѣнію, при чемъ высказываю увѣренность, что въ случаѣ, если бы Михаила не постигла скорая смерть, недоразумѣніе разъяснилось бы и онъ примирился бы съ преподобнымъ (стр. 44).

Когда анонимъ укоряетъ меня за то, что я не смотрю на житіе преп. Сергія, составленное Елифаніемъ, какъ на писаніе богодухновенное: то укоръ его, о чемъ мною говорено было выше, долженъ быть признанъ за совершенно неосновательный.

„Изъ стремленія сказать „новое слово“ Голубинскій передѣлываетъ всю хронологию житія Пр. Сергія. Обычно изслѣдователи стараются согласить

противорѣчія, по возможности, въ тѣхъ данныхъ, какія уже имѣются: онъ не задумывается просто свои предположенія выдавать за факты и ими оправдывать свою хронологію. Такъ Епифаній говоритъ, и въ этомъ доселѣ никто не сомнѣвался, что Пр. Сергій сдѣланъ игуменомъ въ то время, когда святой Алексій былъ въ Царьградѣ въ 1354 г. Голубинскій „полагаетъ“, что это „неладно“, и говоритъ, что это событіе „нужно“ отнести къ 1340—1341 г. когда митрополитъ Θεогностъ ѣздилъ въ Орду. Голубинскій сказалъ, что нужно: значить, показаніе Епифанія не имѣеть никакого значенія, значить, братъ Пр. Сергія Стефанъ, со словъ котораго Епифаній писалъ, забылъ и спуталъ хронологію на цѣлыхъ 14 лѣтъ, значить и старцы, ученики Сергіевы, вѣроятно свидѣтели событія. тоже всеъ перезабыли, когда ихъ игуменъ былъ произведенъ въ сей санъ... Одинъ Голубинскій все это знаетъ отлично, онъ спустя 500 лѣтъ все это исправляетъ безъ церемоній, и какъ не удивляться его прозорливости и великому уму? .. Ну, въ с момъ дѣлѣ: можно ли, позволительно ли такъ обращаться съ первоисточниками житія Преподобнаго?

Что хронологія жизни преп. Сергія страдаетъ у Епифанія противорѣчїями и не совершенно надежна, это есть фактъ общезвѣстный. Слѣдовательно, не обладая положительными и достовѣрными свѣдѣніями относительно хронологіи, мы только можемъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ образомъ установить ее; а для этого мы неизбѣжно должны прибѣгать къ соображеніямъ и предположеніямъ, за которыми такъ жестоко казнить меня анонимъ. Онъ съ своей стороны говоритъ: „Обычно изслѣдователи стараются согласить противорѣчїя, по возможности, въ тѣхъ данныхъ, какія уже имѣются“... Мысль высказана имъ не совсѣмъ ясно и мы не вполнѣ понимаемъ его; но если онъ разумѣетъ соглашеніе противорѣчїй чрезъ избраніе между ними середины: то онъ даетъ смѣшной совѣтъ дѣлать то, что ужъ давно пытано и что уже давно осмѣяно (изъ противорѣчащихъ хронологическихъ показаній Епифанія слѣдуетъ, что преп. Сергій родился въ 1314-мъ или 1322-мъ году; одинъ ученый поступилъ было съ противорѣчіемъ очень просто, — взялъ было среднюю цифру; но другіе ученые надъ этимъ только посмѣялись). Не поднимая всей Епифаніевой хронологіи жизни преп. Сергія, что потребовало бы слишкомъ длинныхъ рѣчей, отвѣчу на то частное обвиненіе, которое предъявляетъ ко мнѣ анонимъ, именно — что я, отвергая ясное показаніе Епифанія о поставленіи преп. Сергія въ игумены въ 1354-мъ году, отношу это поставленіе къ гораздо болѣе раннему времени. Основанія, по которымъ я

отношу поставленіе преп. Сергія въ игумены не къ 1354-му году, а къ гораздо болѣе раннему времени, суть слѣдующія. Во первыхъ, мы имѣемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что преп. Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе по грамотѣ патр. Филоосея. Патр. Филоосей занималъ каоедру два раза: въ первый разъ очень недолгое время съ мая 1354-го года по начало слѣдующаго 1355-го года; во второй разъ съ конца 1364-го года по конецъ 1376-го года. Относитъ введеніе общежитія ко второму патріаршеству значило бы относить его къ слишкомъ позднему времени, противъ котораго говорятъ и простыя соображенія и имѣющіяся у насъ положительныя данныя и указанія, о чемъ см. въ моей книгѣ, стр. 90, прим. 28. Но если введеніе преп. Сергіемъ въ своемъ монастырѣ общежитія со всею вѣроятностію нужно относить не ко второму патріаршеству Филоосея, а къ первому или къ 1354-му году: то изъ сего будетъ слѣдовать, что поставленіе преп. Сергія въ игумены нужно относить къ значительно болѣе раннему времени, ибо между его поставленіемъ въ игумены и между введеніемъ имъ въ своемъ монастырѣ общежитія долженъ быть полагаемъ значительный промежутокъ времени. Во вторыхъ, если бы принимать, что преп. Сергій поставленъ былъ въ игумены въ 1354-мъ году, то нужно было бы принимать, что монастырь его оставался безъ игумена около 12-ти лѣтъ (какъ это и принимаютъ тѣ, которые относятъ поставленіе преп. Сергія въ игумены къ 1354-му году; см. напр. житіе преп. Сергія, принадлежащее о. Никону, 2-го изд. стр. 76). Но принимать это я нахожу рѣшительно невѣроятнымъ. Епифаній ясно даетъ знать, что до поставленія преп. Сергія въ игумены не было въ монастырѣ іеромонаха и что первымъ іеромонахомъ монастыря былъ именно самъ преп. Сергій, который одновременно съ тѣмъ, какъ быть поставлену въ игумены, былъ посвященъ и въ іеромонахи. Но чтобы цѣлыя 12-ть лѣтъ преп. Сергій и братія его монастыря не находили неудобнымъ призывать къ себѣ для совершенія литургіи какого-либо игумена-старца (іеромонаха) или приходскаго священника, это вовсе не можетъ быть принято. Съ другой стороны, игумены въ древнее время были не совсѣмъ то, что нынѣ: они были обязательными духовниками братій, къ которымъ братія приходила съ своими грѣ-

хами и грѣховными помыслами не по два -- по три раза въ годъ, а еженедѣльно и даже ежедневно (sic, т. е. именно такъ). И допустить, чтобы преп. Сергій и братія его монастыря цѣлыя 12-ть лѣтъ могли обходиться безъ своего духовнаго отца, опять представляется рѣшительно невѣроятнымъ. Епифаній разсказываетъ, что братія монастыря, обратившись къ Сергію съ просьбою о дарованіи монастырю игумена, говорили ему: „отче, не можемъ жить безъ игумена“ (литограф. изд. л. 96); но чтобы они сказали Сергію: „не можемъ жить безъ игумена“ только уже спустя 12-ть лѣтъ жизни, это значило бы имѣть о нихъ,—а они представляли собою первыхъ сподвижниковъ преподобнаго, слишкомъ плохое мнѣніе. Вотъ основанія, по которымъ я въ своей книгѣ отношу поставленіе преп. Сергія въ игумены не къ 1354-му году, а къ гораздо болѣе раннему времени. Но теперь я могу привести въ свою пользу положительное доказательство, которое при писаніи книги, благодаря тому обстоятельству, что я крайне стѣсненъ былъ временемъ, я опустилъ изъ вида. Есть старый каталогъ игуменовъ—архимандритовъ Троицкаго монастыря, и въ каталогѣ этомъ по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ его говорится, что преп. Сергій былъ игуменомъ въ продолженіе 48-ми лѣтъ. Такъ какъ преп. Сергій скончался въ 1392-мъ году, то по этому показанію лѣтъ его игуменства будетъ слѣдовать, что онъ поставленъ въ игумены въ 1344-мъ году. Это нѣсколько разнится отъ того, что принимаю я въ книгѣ, но совершенно оправдываетъ меня относительно того, что поставленіе преп. Сергія въ игумены я не полагаю въ 1354-мъ году, а отодвигаю далеко назадъ отъ послѣдняго года. Въ книгѣ я предполагаю, что преп. Сергій поставленъ въ игумены епископомъ Переяславскимъ Аванасіемъ потому, что митр. Феогностъ уѣзжалъ изъ Москвы (стр. 89, прим. 21); но можетъ быть предполагаемо причиной того, что преп. Сергій былъ поставленъ въ игумены не самимъ митрополитомъ, и не это отсутствіе митрополита изъ Москвы, а то, что мѣстность, въ которой находился монастырь преподобнаго, была предоставлена митрополитомъ въ управленіе епископу Аванасію, дабы доходы съ мѣстности служили для него—епископа средствомъ содержанія.

Но какъ же быть съ тѣмъ, что Епифаній, писавшій жи-

тіе преп. Сергія со словъ старцевъ монастыря, которые знали всю жизнь преподобнаго ото дня его рожденія, и со словъ его старшаго брата Стефана, прямо и ясно говорить, что Сергій былъ поставленъ въ игумены жившимъ въ Переяславѣ епископомъ волынскимъ Аонасіемъ въ то время, какъ св. Алексій находился въ Константинополѣ, иначе сказать — прямо и ясно говорить, что преп. Сергій былъ поставленъ въ 1354-мъ году? Т. е. мы хотимъ сказать, какъ же Елифаній при сейчасъ означенныхъ условіяхъ могъ допустить ошибку въ годѣ поставленія преп. Сергія въ игумены? Обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ, т. е. съ прямымъ указаніемъ, что именно ввело Елифанія въ ошибку, мы не въ состояніи. Но что Елифаній могъ сдѣлать ошибку, это доказывается намъ примѣромъ другой равносильной его ошибки. Опъ говорить, что преп. Сергій, жившій всего 78 лѣтъ и скончавшійся въ 1392-мъ году, былъ по рожденію однодневникомъ съ такими событіями, которыя имѣли мѣсто въ 1322-мъ году (что онъ родился въ годъ такихъ-то событій, которыя имѣли мѣсто въ этомъ 1322-мъ году), тогда какъ на самомъ дѣлѣ годомъ его рожденія былъ 1314-й годъ, т. е. допускаетъ ошибку на цѣлыя 8 лѣтъ. Въ области непамятныхъ алопому предположеній можетъ быть сказано слѣдующее. Елифанію очень хорошо было извѣстно, что посвятителемъ преп. Сергія въ игумены былъ епископъ Аонасій, ибо Сергій, личнымъ ученикомъ котораго онъ былъ, какъ необходимо думать, чтить память епископа нарочитыми поминовеніями (это и до сихъ поръ считается у священниковъ обязательнымъ въ отношеніи къ посвящавшимъ ихъ архіереямъ, такъ какъ служебникъ вмѣняетъ имъ въ обязанность поминать названныхъ архіереевъ даже за каждой литургіей, см. чинъ проскомидіи); но онъ писалъ житіе Сергія спустя болѣе чѣмъ 50 лѣтъ послѣ поставленія преподобнаго въ игумены, когда могло быть забыто, почему именно поставилъ его въ игумены не самъ митрополитъ, а епископъ Аонасій; доискиваясь причины этого, Елифаній предположилъ, что причиной этого было отсутствіе изъ Москвы или небытіе въ Москвѣ митрополита; подъ небытіемъ ему почему либо показалось самымъ вѣроятнымъ разумѣть то небытіе, когда св. Алексій находился въ Константинополѣ для поставленія въ митрополиты, — и вотъ

это свое предположеніе опъ и высказалъ въ видѣ прямого положенія или положительнаго извѣстія (какъ то въ старое время было обычно и какъ то позволяютъ собѣ дѣлать и нѣкоторые новые историки, не любящіе предположеній). Такъ, говоримъ, представляется намъ вѣроятнымъ объяснить ошибку Елифаніеву. Но если бы кто могъ объяснить ее болѣе удовлетворительнымъ образомъ, то мы нисколько не стали бы спорить.

„Можно бы и еще привести примѣры суемудрія автора, но довольно и этого. Укажемъ въ заключеніе на характерныя особенности его неподражаемаго языка. Здѣсь, ради оригинальности, онъ не щадитъ ни русскаго слуха, ни русскаго грамматики. Судите сами: „были застаты имъ старцы“ (стр. 77), его само онъ подвергъ (79), былъ было отданъ приказъ (120), по-за кельямъ (15), по-за рвамъ (161), заставленный удалиться изъ Кіева (61), монастырь Стромынский, или Дубенскій, находившійся въ 50 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Москвы, при селеніи Стромыни, на рѣчкѣ Дубенкѣ, впадающей въ Шерну, притокъ рѣки Клязьмы, въ настоящее время несуществующій“... Что же не существуетъ: притокъ или монастырь? (46) „Димитрій Донской 20 августа выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“... Какъ это? Вѣдь Коломна отъ Москвы въ 113 верстахъ: какъ же это В. Князь успѣлъ въ одинъ день дойти до Коломны и выйти изъ нея? Ужъ не по желѣзной ли дорогѣ? . „Необходимо думать—такъ! „Повсюду въ книгѣ нестрѣютъ слова неудобнопроизносимыя и не совсемъ благозвучныя: „общинножитный“, „особножитный“. Страсти къ оригинальничанью такъ и чувствуется въ этихъ словахъ. А употреблѣть ихъ приходится часто, потомучто Голубинскій считаетъ Пр. Сергія реформаторомъ монашества на Руси: опъ, какъ извѣстно, ввелъ общежитіе (по его произношенію: общинножитіе) въ монастыряхъ на сѣверѣ Руси. Авторъ представляетъ дѣло такъ: Пр. Сергію, по соглашенію съ ев. Алексіемъ, задаясь цѣлью учредить общежитіе въ своей обители, чтобы потомъ ввести его повсюду. Эту мыслью опъ занять былъ раньше, едва ли не тогда еще, когда одинъ жилъ въ пустынѣ. Все было задумано и устроено какъ по писанному плану. И опять этотъ взглядъ на дѣло не мирится съ общепринятымъ мнѣніемъ биографовъ угодника Божія. Естественное думать, что и мысль объ общежитіи, и осуществленіе ея явились у Пр. Сергія постепенно: вѣдь опъ смотрѣлъ на себя слишкомъ смиренно, чтобы затѣвать что либо новое самому, чтобы быть инициаторомъ въ дѣлахъ, имѣющихъ общественно-церковное значеніе. Опъ можетъ и думалъ объ общежитіи въ своей обители, но ждалъ воли Божіей на то, ждалъ и молчалъ, тѣмъ богае, что братія не особенно сочувственно относилась къ этой его мысли, а ради формы опъ не считалъ себя въ правѣ безъ особеннаго указаія Промысла Божія измѣнять порядки, лишь бы жили такъ, какъ подобаетъ монахамъ, а его ученики жили конечно примѣрно. Когда пришла на то воля Божія, получено отъ патрiарха посланіе, тогда опъ и рѣшился, съ благословенія своего друга ев. Алексія, учредить общежитіе. Такъ намъ представляется дѣло, при свѣтъ, какой идетъ отъ духовнаго облака

самого Угодника Божія. Но Голубинскому дѣло „представляется иначе“, не такъ, какъ пишетъ Епифаній и какъ доселѣ все мы думали о томъ.— Да, если сказать правду, то общежитіе его кажется несомнѣнно похоже на общежитіе иноческое: пожалуй и хорошо, что онъ для него придумалъ особое слово, вмѣсто общеупотребительнаго“.

Хотя анонимъ и говоритъ, что онъ привелъ довольно примѣровъ моего сусумудрія, но на самомъ дѣлѣ онъ не привелъ ни одного примѣра. Это весьма утѣшаетъ меня. Если человѣкъ, питающій ко мнѣ сильную личную вражду и читавшій мою книгу со всеѣмъ возможнымъ вниманіемъ, изъ желанія пайдти въ ней погрѣшности, ничего не указываетъ, то дастся мнѣ право думать, что книга моя—очень и очень сносная книга. Это утѣшаетъ меня тѣмъ болѣе, что, какъ уже я сказалъ, при писаніи книги я крайне стѣсненъ былъ временемъ.

Когда анонимъ называетъ мой языкъ неподражаемымъ, то, конечно, разумѣетъ неподражаемость въ дурномъ смыслѣ, а неподражаемый въ дурномъ смыслѣ значить изъ рукъ вонъ плохой, такой худой, хуже котораго ничего не можетъ быть. Я не выдавалъ и не выдаю себя за первокласснаго стилиста; но чтобы мой языкъ былъ изъ рукъ вонъ влохъ, чтобы онъ былъ такой худой, хуже котораго ничего не можетъ быть, сказать это захочетъ только человѣкъ питающій личную крайнюю ко мнѣ вражду за свое оскорбленное самолюбіе и для котораго я, разумѣется, съ погъ до головы представляю собой неподражаемость въ дурномъ смыслѣ этого слова. Если дѣйствительно есть какая своеобразность въ моемъ языкѣ (и отъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, людей мнѣ приходилось слышать о ней одобрительные отзывы), такъ она зависитъ не отъ моего усиленнѣйшаго стремленія къ оригинальничанью, въ чемъ настойчивымъ образомъ обвиняетъ меня анонимъ, а отъ натуры. Всякій, даже и самый ничтожный, человѣкъ имѣетъ свои особенности, которыя и выражаются въ его языкѣ: французская пословица говоритъ: *style c'est l'homme*,—и тоже за долго до французовъ сказано греками.

Приводя примѣры того, будто я ради оригинальности не щаю ни русскаго слуха, ни русской грамматики, анонимъ обращается къ читателю съ словами: „судите сами“. Это ловко сказано. Это значитъ: если вы, читатель, человѣкъ умный и образованный, то должны согласиться со мной.

А такъ какъ читатель, разумѣется, желаетъ считать себя человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, то возможно, что и изъяснить желаніе согласиться съ нимъ (анонимомъ). Будучи принужденъ отвѣчать вмѣсто читателя, я долженъ сказать, что приведенные анонимомъ примѣры доказываютъ не то, будто я ради оригинальности не щаю ни русскаго слуха, ни русскою грамматикой, а то, что онъ обладаетъ чересчуръ пѣжнымъ слухомъ, что онъ, можетъ быть, и очень порядочный стилистъ, но плохо знаетъ русскій языкъ теоретически, что онъ учился не по обыкновенной грамматикѣ, а какой то особенной. Во фразѣ: „были застаты имъ старцы“ анонимъ, вѣроятно, возмущается словомъ: „застаты“ какъ формой глагола: застать неупотребительной. Очень можетъ быть, что форма: „застаты“ и на самъ дѣлѣ мало употребительна; но она совершенно правильна грамматически, равно какъ безупречна и въ другихъ отношеніяхъ: почему же бы я, не задаваясь трудно рѣшаемымъ вопросомъ: употребительна или не употребительна форма, не могъ употребить ея? „Его само“, при чемъ разумѣется существительное: житіе, анонимъ, какъ нужно думать, находитъ выраженіемъ неправильнымъ. Но пусть онъ пересмотритъ все русскія грамматикой, начиная съ грамматикой Ломоносова, и онъ увидитъ, что выраженіе есть совершенно правильное выраженіе (мужск. родъ: его самого, женск. р.: ее саму, средн. родъ: его само). „Быль было“, можетъ быть, нѣсколько и бѣтъ пѣжный слухъ анонима, но во всякомъ случаѣ есть выраженіе правильное, — столько же правильное, какъ „взять было, дать было, пришло было, ушло было“ и пр. (есть народныя пословицы: „Быль было конь, да изъѣзженъ, Быль было дворянинъ, да шутъ перемѣнилъ“ и другія, начинающіяся съ „быль было“). „По-за кельямъ, по-зарвамъ“ анонимъ можетъ считать выраженіями неправильными только при своемъ незнаніи русскаго языка: двойной или сложный предлогъ „по-за“ употребляется всеми русскими людьми и въ устной и въ письменной рѣчи. Почему не одобряетъ анонимъ выраженія: „заставленный“ мы не вдругъ догадались; причина неодобрения, какъ нужно думать, есть та, что слово: заставить имѣетъ два смысла: загородить или закрыть (напр. ставнемъ) и принудить; но это нисколько не отнимаетъ ни у кого права употреблять

слово: заставить, лишь бы оно было употребляемо такъ, чтобы рѣчь не выходила двусмысленной (имѣющею тотъ и другой или неизвѣстно который смыслъ). Совершенно вѣрно, что въ нашихъ словахъ о Дубенскомъ монастырѣ есть нѣкоторое двусмысліе, происшедшее отъ недосмотра, но двусмысліе такое, которое никого не введетъ въ заблужденіе, — двусмысліе формальное, а не реальное. Итакъ, въ цѣлой книгѣ, смотрѣвъ ее весьма тщательно, анонимъ не нашолъ почти ничего погрѣшительнаго въ отношеніи къ языку (одно только это истинно „жалкое“ двусмысліе). Но я скажу ему вотъ что: статьянка его противъ меня очень не велика, и всего въ 3 четвертки или 6 страничекъ, а я нашолъ въ ней не воображаемыхъ, а дѣйствительныхъ, погрѣшностей противъ языка болѣе, чѣмъ сколько указалъ онъ ихъ въ моей книгѣ. Въ самомъ же началѣ статьи онъ пишетъ: „читателю думается, что предъ нимъ предстанетъ и жизнь ... и обстоятельства: предстанетъ обстоятельства, это правильно по грамматикѣ? „Но съ первыхъ страницъ читатель видитъ“: страницъ чего? ¹⁾.

Что „Димитрій Донской 20 августа выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“, относится уже не къ

¹⁾ По поводу укоровъ мнѣ со стороны анонима за мой неудовлетворительный языкъ возстаютъ въ моемъ воображеніи другой біографъ преп. Сергія, который пишетъ очень хорошимъ языкомъ (хотя и позволяетъ себѣ иногда такія вольности противъ него, какъ напр. употреблять выраженіе: „списаніе книжное“ въ смыслѣ: списываніе книгъ). Но я рѣшительно не могу принудить мою грубую натуру къ той нѣжности, которую нахожу у него. Преп. Сергія онъ сравниваетъ съ цвѣткомъ (отъ чего бы уже не съ аленькимъ цвѣточкомъ?); когда въ разсказѣ объ одномъ чудѣ преп. Сергія ему приходится говорить о свиньѣ, онъ не называетъ ее свиньей, но свинкой; благодатный огонь или огонь онъ называетъ благодатнымъ огонькомъ. При этомъ я утѣшаю себя относительно недостатковъ моего языка тѣмъ, что и у сего, пишущаго очень хорошимъ языкомъ, біографа преп. Сергія встрѣчаются такія прорухи противъ языка, что вводятъ читателей въ грѣхъ. Разсказывая о поведеніи преп. Сергія, какъ игумена монастыря, біографъ, вѣроятно, изъ желанія—придать разсказу большую наглядность, употребляетъ слово: бывало; „Прикажетъ, бывало, одѣть пришелица... А когда видѣлъ, бывало, что который либо инокъ... Бывало, въ глубокой вечерь... Кроткій и послушливый инокъ тутъ же, бывало, сознается“... Эти: „бывало, бывало“ придаютъ такую вульгарность рѣчи біографа, что невозможно удержаться отъ смѣха, не смотря на всю его предосудительность въ данномъ случаѣ.

языку: но у анонима въ выписанномъ отдѣлѣ *pôle-mêle* или *винигретъ*. Обмолвка можетъ случиться со всякимъ человѣкомъ; могъ и я обмолвиться такъ, чтобы выходила нелѣпность, для объясненія которой требовалось бы предполагать, что во времена Дмитрія Ивановича Донскаго были у насъ желѣзныя дороги. Ликовать надъ кѣмъ нибудь по поводу очевидной обмолвки, обвиняя этого кого-нибудь въ томъ, что онъ сказалъ, т. е. будто онъ способенъ былъ сказать, нелѣпность, почти такъ же глупо, какъ обвинять въ нелѣпности по поводу очевидной опечатки. Но когда пишутъ *насквилъ*, то не разбираютъ средствъ, — *à la guerre comte à la guerre*. Вы сдѣлали обмолвку, изъ которой слѣдуетъ нелѣпность; ergo — вы сказали нелѣпность, ergo — вы способны были сказать нелѣпность: ха, ха, ха, профессоръ академіи, докторъ исторіи, и позволилъ себѣ сгородить такую милую нелѣпность, для объясненія которой требуется предполагать, что во времена Дмитрія Ивановича Донскаго были у насъ желѣзныя дороги!.. Но что могло бы случиться, того на самомъ дѣлѣ вовсе не случилось, и анонимъ мой устроитъ себѣ свой глупый, можетъ быть — искренній, а вѣроятнѣе притворный, хохоть или благодаря тому, что онъ читалъ мою книгу не какъ слѣдуетъ, или же благодаря его нахальной увѣренности, что никто не будетъ заглядывать въ мою книгу, чтобы провѣрить его. У меня дѣйствительно стоять слова: „20-го августа онъ (Дмитрій Ивановичъ Донской) выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“; но вся моя рѣчь есть слѣдующая: „Великій князь пріѣзжалъ къ преподобному на сиѣхъ, — за день или въ самый день своего выхода изъ Москвы противъ непріятели (онъ былъ у Сергія 18-го Августа, а 20-го Августа онъ выступилъ)“ и пр., что выше, — стр. 47. Если я говорю, что Дмитрій Ивановичъ Донской, бывъ у преп. Сергія 18-го Августа, былъ у него или за день или въ самый день выхода изъ Москвы, то совершенно ясно, что я отношу этотъ выходъ изъ Москвы или къ 18-му или къ 19-му Августа; а если я отношу выходъ къ 18-му или 19-му Августа, то совершенно ясно, что я не отношу его къ 20-му Августа; а если такъ, то совершенно ясно, что слова мои: „20 Августа онъ выступилъ не только изъ Москвы, но и изъ Коломны“ значатъ не то, что 20-го Августа, въ одинъ день,

онъ выступилъ и изъ Москвы и изъ Коломны, а то, что 20-го онъ выступилъ уже не изъ Москвы, а изъ Коломны. Затѣмъ, вотъ мое объясненіе, что дѣло весьма и совершенно могло быть такъ, какъ я представляю его (представляю не самъ отъ себя, а на основаніи лѣтописи). Дмитрій Ивановичъ Донской ѣздилъ не въ каретѣ, въ которую впрягасмо было шесть возовиковъ и которая влекома была возовиками важнымъ шагомъ, какъ ѣздилъ царь Алексѣй Михайловичъ во вторую, по крайней мѣрѣ, половину своего правленія, а верхомъ, при чемъ иногда ѣздилъ шагомъ, иногда рысью, а иногда скокомъ, — во весь опоръ или во весь галопъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ пріѣзжалъ къ Троицѣ, требовали, чтобы онъ ѣхалъ скокомъ — во весь опоръ, ибо во время его весьма недолговременнаго пребыванія въ монастырѣ къ нему пригоняли изъ Москвы нѣсколькихъ вѣстниковъ съ предупрежденіемъ о необходимости, въ виду движеній непріятеля, торопиться (какъ я говорю о томъ въ моей книгѣ, — стр. 47). Положимъ, что Дмитрій Ивановичъ пріѣхалъ къ Троицѣ 18-го Августа по утру, часовъ въ 8-мъ, и что онъ пробылъ въ монастырѣ, слушавъ обѣдню и молебень и отобѣдавъ съ братіей въ трапезѣ, часовъ до 2-хъ по полудни. Поскакавъ отъ Троицы въ 2 часа по полудни, когда могъ онъ прискакать въ Москву? Отъ Троицы до Москвы 64 версты; скакавъ на перемѣнныхъ, предварительно разставленныхъ по дорогѣ, скакунахъ съ своеѣ великокняжеской конюшни, онъ несомнѣнно могъ скакать по 15-ти верстѣ въ часъ: слѣдовательно, онъ доскакалъ отъ Троицы до Москвы въ 4 часа и 16 минутъ или прибылъ въ Москву въ 6 часовъ и 16 минутъ вечера. Что я говорю о быстрой ѣздѣ не чтò нибудь невѣроятное, вотъ фактическое подтвержденіе моихъ словъ. Въ 1689-мъ году, ночью съ 7-го на 8-е Августа, Петръ Великій, спасаясь отъ убійцъ, ускакалъ къ Троицѣ изъ села Преображенскаго. Онъ разбуженъ былъ „немного за полночь“; въ приготовленіяхъ къ бѣгству прошло времени если не часъ, то полчаса, такъ что онъ поскакалъ въ часъ за полночь. Поскакавъ въ часъ за полночь, онъ прискакалъ къ Троицѣ около 6-ти часовъ утра (*Соловьевъ*. Ист. т. XVI, 2-го изд. стр. 116), при чемъ на скакунѣ съ своей царской конюшни скакалъ только верстѣ 20-ть, а остальные 40 верстѣ скакалъ

на первыхъ попадавшихся или на первыхъ, какія могли быть хватасмы, крестьянскихъ лошадей, и при чемъ все время скакалъ не днемъ, а ночью. Приѣхавъ отъ Троицы въ Москву 18 Августа въ 6 часовъ и 16 минутъ вечера, Дмитрій Ивановичъ пробылъ въ Москвѣ вечеръ 18-го Августа и первую бѣльшую или меньшую половину дня 19-го Августа. Положимъ, что 19-го онъ выступилъ изъ Москвы въ полдень и что на торжественный его выѣздъ изъ столицы былъ употребленъ часъ, такъ что онъ поскакалъ въ Коломну въ одинъ часъ по полудни. Отъ Москвы до Коломны 101 верста (по Географич. Словарию *Семенова*). Скакавъ тѣ же 15 верстъ въ часъ, Дмитрій Ивановичъ долженъ былъ употребить времени на проѣздъ 6 часовъ и 44 минуты и прискакать въ Коломну 19-го Августа въ 7 часовъ и 44 минуты вечера. Прискакавъ въ Коломну 19-го числа вечеромъ, могъ ли Дмитрій Ивановичъ выступить изъ Коломны на другой день, 20-го числа?

Итакъ, мое представленіе дѣла нисколько не требуетъ предполагать, что во времена Дмитрія Ивановича Донскаго у насъ были желѣзные дороги. Но если это такъ, то я съ своей стороны знаю одного современнаго біографа прен. Сергія, который заставляетъ предполагать существованіе у насъ во времена Дмитрія Ивановича не только желѣзныхъ дорогъ, но и нынѣшнихъ ежедневныхъ газетъ и даже чуть ли не телеграфовъ. Сказавъ о побѣдкѣ великаго князя къ прен. Сергію, біографъ этотъ потомъ говоритъ: „Быстро пронеслась по лицу Русской земли молва о томъ, что Великій князь ходилъ къ Троицѣ и получилъ благословеніе и одобреніе на брань съ Мамаемъ отъ великаго старца“ и пр. Быстро разнестись молва могла бы именно въ настоящее время при существованіи желѣзныхъ дорогъ и ежедневныхъ газетъ, а въ то время быстро разнестись она никакъ не могла. Молву разнесли потомъ по лицу русской земли тѣ вошны, которые со всѣхъ концовъ земли собраны были великимъ княземъ для борьбы съ Мамаемъ и которые послѣ Куликовской побѣды были распущены по домамъ

„Повсюду въ книгѣ, говоритъ анонимъ, пестрѣютъ слова неудобнопроизносимыя и несовсѣмъ благозвучныя“, и въ подтвержденіе своего увѣренія о повсюдности находитъ возможнымъ указать и всего на одно слово: не имѣю ли я

права затянуть мое обычное: *τοῦτο γὰρ ἐστὶν ὁ οὐχοῦσιν*, и пр.? Слово „общинножитіе“ какъ будто дѣйствительно есть слово неупотребительное. Но какъ слово „общезитіе“ произошло отъ выраженія: „общее житіе“, такъ слово „общинножитіе“ я произвожу отъ выраженія: „житіе въ общинѣ“, а употребленіе этого послѣдняго выраженія относительно жизни монашеской я готовъ доказать съ книгами въ рукахъ. Если анонимъ находитъ слово неудобопроизносимымъ и не совсѣмъ благозвучнымъ, то, конечно, потому, что у него очень хрупкій (разумѣю—могущій сломаться о неудобопроизносимое слово) языкъ и очень нѣжный слухъ. Употребляю я слово „общинножитіе“ не безъ намѣренія. Дѣло въ томъ, что обычно употребляемое слово „общезитіе“ есть слово, такъ сказать, затасканное,—что оно не рѣдко употребляется о такой монашеской жизни, въ которой и съ вѣршней стороны весьма мало общезитія и въ которой живымъ духомъ общезитія совсѣмъ и не пахнетъ. Такъ вотъ, для рѣчей объ истинномъ общезитіи я и употребляю новое слово, чтобы отдѣлить общезитіе, о которомъ говорю и которое разумѣю, отъ всякаго другаго мнимаго общезитія...

Анонимъ увѣряетъ, будто дѣло о введеніи преп. Сергіемъ общезитія въ его монастырѣ я представляю такъ: „Пр. Сергій, по соглашенію съ св. Алексіемъ... по писанному плану“. Не совсѣмъ толковы его рѣчи и не совсѣмъ понятно, надъ чѣмъ онъ тутъ глумится; но во всякомъ случаѣ ничего подобнаго тому, что у него, я не говорю и онъ, по своему обычаю, просто сочиняетъ тутъ на меня; читатель легко можетъ убѣдиться въ этомъ, если заглянетъ въ мою книгу, въ которой я говорю о введеніи преп. Сергіемъ общезитія въ его монастырѣ на стр. 20—23 (замѣчательно, что анонимъ, когда не перевираетъ меня и не навираетъ на меня, прямо цитуетъ страницы моей книги; а когда перевираетъ и навираетъ, то не дѣлаетъ этого; въ послѣднемъ случаѣ онъ отнимаетъ у читателя возможность повѣрить себѣ, ибо хотя по приложенному къ книгѣ подробному оглавленію читатель и найдетъ мѣсто, въ которомъ я говорю о какомъ либо предметѣ нарочито, но у него всегда останется подозрѣніе, не говорю ли я о предметѣ еще гдѣ нибудь не нарочито, чего въ оглавленіи не указано). Слова анонима: „И опять этотъ взглядъ“..., какъ

говорящія о взглядѣ, котораго я вовсе не заявляю, не имѣютъ никакого смысла. Что преп. Сергій еще до постриженія въ монахи былъ особыхъ взглядовъ на монашество, это совершенно ясно изъ того, что для постриженія въ монахи и для монашества (я бы сказалъ: для монашествованія, по боюсь переломить хрупкій языкъ анонима) не пополь въ монастырь, что было бы дѣломъ обычнымъ, а, что было дѣло совсѣмъ необычнымъ, пополь въ пустыню. Пока онъ жилъ въ пустынѣ одинъ, конечно, онъ не думалъ объ общежитіи, потому что одному думать объ общежитіи невозможно. Скоро ли началъ онъ думать объ общежитіи послѣ того, какъ собрались къ нему братія и около его кельи составилъ монастырекъ, я не знаю и въ книгѣ ничего объ этомъ не говорю; но думаю и увѣренъ, что весьма скоро. Въ своемъ поведеніи какъ игумена монастыря преп. Сергій явно старался подражать преп. Оеодосію Печерскому, о чемъ я говорю въ книгѣ (стр. 24 fin.). Съ полною вѣроятностію должно думать, какъ я тоже говорю въ книгѣ (*ibid.*), что къ введенію общежитія подвигнулъ преп. Сергія древній примѣръ преп. Оеодосія. Но, принимая это, со всею вѣроятностію нужно думать, что онъ хорошо ознакомился съ житіемъ преп. Оеодосія, какъ отца нашего русскаго монашества,—что онъ читалъ и перечитывалъ его, когда еще одинъ жилъ въ пустынѣ („съ полною вѣроятностію должно думать... со всею вѣроятностію нужно думать“,—это приведетъ моего анонима въ бѣшенство: но пусть себѣ бѣснуется на доброе здоровье). Сражаясь съ мельницами или съ собственной на меня выдумкой, анонимъ говоритъ: „Естественнѣе думать“... Да и я вовсе не говорю, что это не естественно, и вовсе не думаю говорить, что сегодня преп. Сергій дополь до мысли объ общежитіи, а завтра уже началъ приводить ее въ исполненіе.

Дальнѣйшія рѣчи анонима въ этомъ отдѣлѣ представляють изъ себя нѣчто истинно плачевное по отношенію къ его репутаціи какъ книжника (книжнаго или до нѣкоторой степени образованнаго человѣка) и какъ монаха (каковаго онъ заставляетъ предполагать въ себѣ). „Вѣдь онъ, говоритъ анонимъ о преп. Сергіи, смотрѣлъ на себя слишкомъ смиренно, чтобы затѣвать (не считаетъ анонимъ этого слова весьма вульгарнымъ въ данномъ случаѣ?) что либо самому,

чтобы быть инициаторомъ въ дѣлахъ, имѣющихъ общественно-церковное значеніе“. Неужели анонимъ поставляетъ великое смиреніе святыхъ въ томъ, будто они отказывались отъ дѣлъ, которыя считали важными и желательными? Странное это было бы смиреніе! А что касается до инициативы, такъ никто и не говоритъ, чтобы преп. Сергій взялъ ее на себя,—я именно и говорю, что преп. Сергій ввелъ у себя общежитіе по согласію съ св. Алексіемъ, а св. Алексій представлялъ собою главу, верховнаго пастыря русской церкви. „Онъ можетъ быть и думалъ объ общежитіи... жили, конечно примѣрно“. Ждать воли Божіей такъ, какъ представляетъ дѣло анонимъ, значило бы со стороны преп. Сергія искушать Бога, а искушать Бога есть такой тяжкій грѣхъ, что усвоить его преп. Сергію было бы великой на него худой. Гораздо лучше было бы для анонима, если бы онъ не написалъ этихъ несчастныхъ словъ: „а ради формы онъ не считалъ себя“ и пр. Если анонимъ считаетъ замѣну особножитія общежитіемъ не болѣе, какъ только замѣною одной внѣшней формы монашеской жизни другою внѣшнею формою жизни: такъ онъ (хотя, можетъ быть, и монахъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ истинномъ монашествѣ,—такъ онъ не заглядывалъ въ Василія Великаго, который есть законоположникъ нашихъ монаховъ, и ни въ одного изъ древнихъ отцовъ, которые говорятъ о монашествѣ, такъ онъ есть... право, я и не знаю, что онъ есть (не заглядывая въ отцовъ, пусть анонимъ возьметъ хоть богослужебный уставъ и прочтетъ въ немъ главы 34—46: и изъ него онъ получитъ настолькоъ достаточное понятіе объ общежитіи, чтобы не говорить, будто въ отношеніи къ особножитію оно не болѣе какъ только одна внѣшняя форма). Послѣ своего вранья анонимъ самодовольно говоритъ: „Такъ намъ представляется дѣло при свѣтѣ, какой (который?) идетъ отъ духовнаго облика самого Угодника Божія“. Увѣряемъ его, что такъ представляется ему дѣло при свѣтѣ, который идетъ не отъ духовнаго облика самого Угодника Божія, а отъ кого-то или отъ чего-то совсѣмъ другаго,—что его обманываетъ какой то ложный свѣтъ...

„Да если сказать правду, то общежитіе его кажется... вмѣсто употребительнаго“. Я говорю въ моей книгѣ о монашескомъ общежитіи довольно обстоятельно (стрр. 20 fin. Sgg,

24—27), и любопытно было бы мнѣ видѣть, какъ анонимъ опровергалъ бы меня, ибо, опровергая меня, онъ опровергалъ бы Василія Великаго и преп. Оеодора Студита, на основаніи которыхъ, какъ двухъ законоположниковъ нашего монашества, я говорю объ общежитіи. Да, тутъ мы увидѣли бы истинно поучительный примѣръ того, какъ изъза личной вражды человѣкъ готовъ отвергать все („если ты вѣруешь въ Бога, такъ я не вѣрую въ Бога“...).

„Еще объ одной оригинальности языка Голубинскаго. Онъ употребляетъ слово „нашъ“ въ особенномъ, ему только свойственномъ смыслѣ. Вотъ образцы: Кромѣ нашего житія монахъ Епифаній написалъ другое житіе (75), ставить нашего вида монастыри (66) лѣтопись говорить о нашей рати (85), наше преданіе создалось (101), рукописи принадлежали нашему Елисею (103) и под. Эта манера иногда ставить читателя въ тупикъ: авторъ говорить напр. „въ монастырѣ разсказывается о попыткѣ стрѣльцовъ убить Петра во время нашей бытности его у Троицы“... (352) Но позвольте, г. авторъ: развѣ вы жили при Петрѣ Великомъ и были тогда у Троицы? „Извѣстные основатели монастырей, прежде чѣмъ строить монастыри, болѣе или менѣе подвизались подолгу нашимъ подвигомъ“... Но какимъ же это вашимъ подвигомъ?! И пр., и пр“.

Тутъ анонимъ можетъ торжествовать падо мной полную и совершенную побѣду. О моемъ не совѣмъ похвальномъ пристрастіи къ „нашъ“, наша, наше“, и о моемъ упорствѣ въ этомъ пристрастіи я не одинъ разъ слышалъ замѣчанія и отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ, т. е. нашихъ академическихъ. Но, давъ анониму отторжествовать его побѣду, я скажу ему относительно всѣхъ его ничтожнѣйшихъ и неосновательныхъ придирокъ къ моему языку: если бы я не зналъ, что человѣкъ сжигается огнемъ личной вражды ко мнѣ, и считалъ его не имѣющимъ никакихъ личныхъ ко мнѣ отношеній, то я безъ труда доказалъ бы, что человѣкъ этотъ, для котораго два не совѣмъ удачныя выраженія въ книгѣ и двѣ не совѣмъ ладно поставленныя въ ней запятые отнимають у книги всякое достоинство, хотя бы она и имѣла дѣйствительныя достоинства,--- что человѣкъ этотъ принадлежитъ къ числу олицетворяющихъ собою мелкую злость и возбуждающихъ отвращеніе къ себѣ правдивныхъ уродовъ.

Наконецъ, „последнее“ и самое важное сказаніе!

„Добрую половину книги г. Голубинскаго составляетъ Путеводитель по Лаврѣ“, но мы предоставляемъ разсмотрѣніе его другимъ, болѣе знакомымъ съ обителью преп. Сергія въ ея прошломъ и теперешнемъ состояніи.

Памѣ хотѣлось лишь подѣлиться съ читателями впечатлѣніемъ, полученнымъ нами при знакомствѣ съ новой книгой ученаго московскаго профессора, и сдѣланныя нами замѣчанія направлены главнымъ образомъ противъ общей, ему только свойственной, манеры писать, или, такъ сказать, противъ - „господствующей въ немъ способности—f culte maitraïsse“, выражаясь словами Тэна—опредѣлять и оцѣнивать историческихъ личностей. Впрочемъ, кто знакомъ съ его „Исторіей русск. церкви“, тотъ знаетъ, что это—историкъ, отъ котораго вѣтъ холодомъ могилы, ученый, доводящій скептическо и докторально-пренебрежительное отношеніе къ родному прошлому до положительнаго отрицанія во всемъ этомъ прошломъ русской жизни „духа жива“. Какой наукѣ онъ служить, какому богу поклоняется?..“

Въ словахъ: „Впрочемъ, кто знакомъ съ его „Исторіей“... Какой наукѣ онъ служить, какому богу поклоняется“... пасквилянть хотеть представить меня ужаснымъ и загадочнымъ чудовищемъ, ибо что можетъ быть ужаснѣе человѣка, отъ котораго вѣтъ холодомъ могилы и который такъ сказать не признаетъ ничего святаго, и не составляетъ ли загадки человѣкъ, относительно котораго неизвѣстно, какой наукѣ онъ служить и какому богу поклоняется? Назвать человѣка ужаснымъ чудовищемъ очень легко, столько же легко какъ сказать кому нибудь, что вы милый и прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Но назвать такъ человѣка безъ приведенія какихъ либо доказательствъ не значить ли это дозволить себѣ по отношенію къ человѣку возмутительную диффамацию (возмутительное посягательство на честь и доброе имя человѣка)? Какъ, скажетъ пасквилянть, я не привожу доказательствъ,—и ссылаюсь на вашу Исторію русской церкви? Это, конечно, такъ, по показываете ли вы и доказываете ли хоть единымъ словомъ, будто я въ моей Исторіи русской церкви довожу скептицизмъ и докторально-пренебрежительное отношеніе къ родному прошлому до положительнаго отрицанія во всемъ этомъ прошломъ русской жизни „духа жива“? Нѣтъ, вы это лишь говорите съ докторальностью пасквилянта. Не намѣреваясь тащить диффаматора въ судъ, я не справлялся у адвокатовъ: имѣлъ ли бы я право на это по нашимъ положительнымъ законамъ о диффамацин и могъ ли бы я при этомъ быть увѣреннымъ, что диффаматоръ будетъ осужденъ. Но отдаю его на судъ чести и совѣсти или на третейскій судъ всѣхъ порядочныхъ людей... Выполнѣ увѣренъ

я, что всёми порядочными людьми будетъ произнесено ему суровое осужденіе.

Но когда диффаматоръ утверждаетъ, будто отъ меня вѣтъ холодомъ могилы, то онъ не разобралъ, откуда ему вѣтъ. Ему вѣтъ холодомъ могилы, вѣроятно, отъ него самого. Ап. Павелъ, велѣдъ за псалмопѣвцемъ, говоритъ о людяхъ, которыхъ уста полны злословія и горечи, что гортань ихъ (есть) открытый гробъ (Римл. III, 13, Псал. V, 10). Такъ вотъ, изъ этого открытаго гроба, нужно думать, и вѣтъ на диффаматора холодомъ могилы... Не знаю, правду ли онъ говоритъ, когда увѣряетъ о своемъ знакомствѣ съ моею Исторіей русской церкви. Но дѣйствительно ли онъ самъ знакомъ съ ней или знаетъ о ней только по слухамъ, отъ другихъ, во всякомъ случаѣ онъ очень хорошо знаетъ, что сказать обо мнѣ на основаніи ея то, что онъ говоритъ, есть великая нечѣстность. Однако, ему желательно сказать обо мнѣ что нибудь возможно страшное и вотъ онъ, слыша вѣяніе могилой отъ самого себя и совершенно справедливо принимая, что для человека ничего не можетъ быть страшнѣе холода могилы, и утверждаетъ обо мнѣ, будто отъ меня вѣтъ этимъ холодомъ. Знакомъ ли анонимъ съ моею Исторіей непосредственно или знаетъ о ней отъ другихъ, во всякомъ случаѣ онъ знаетъ, что я, какъ историкъ, имѣю своей отличительной особенностію критицизмъ. Конечно, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые обвиняютъ меня въ неумѣренномъ критицизмѣ (а я съ своей стороны, пожалуй, не стану рѣшительнымъ образомъ отвергать обвиненія, за исключеніемъ того, чтобы рѣшительно протестовать противъ злостнаго занозрѣнія въ намѣренности). Но объ историкѣ, который имѣетъ своею отличительною особенностію критицизмъ, можно ли сказать, что отъ него вѣтъ холодомъ могилы? Если ледъ можно называть горячимъ, а огонь холоднымъ, вообще если можно соединять въ одно мѣсто противоположности; то, конечно, и объ историкѣ, отличительную особенность котораго составляетъ критицизмъ, можно сказать, что отъ него вѣтъ холодомъ могилы. Къ чему стремится историкъ, критически изслѣдуя подлежащій его изученію какой либо исторической матеріалъ? Стремится къ тому, чтобы дойти до возможно пра-

вильныхъ и вѣрныхъ представлений о данномъ прошломъ, чтобы устранить все то, что есть въ представленіяхъ о немъ неправильнаго и невѣрнаго. И это могильщикъ? Да, конечно, могильщикъ въ томъ смыслѣ, что роетъ могилу всему тому, что должно стать достояніемъ могилы въ смыслѣ устраненія и отстраненія; но могильщикъ ли по отношенію къ дѣйствительной исторической жизни, которую онъ стремится представить какъ можно правильнѣе и вѣрнѣе? Очевидно, не могильщикъ, а напротивъ возстановитель, воскреситель.

Относительно моего критицизма я нарочитымъ образомъ оправдывался въ рѣчи, которою предварилъ мой докторскій диспутъ. Отсылая къ этой рѣчи желающихъ знать мои оправданія ¹⁾, прибавлю здѣсь немного. Нѣкоторые люди представляютъ себя дѣло такъ, будто въ нашей русской церковной исторіи критика вовсе не нужна и будто я съ моей критикой не болѣе какъ выскочка, желающій стяжать себя на ея счетъ дешевые лавры. На самомъ дѣлѣ въ нашей русской церковной исторіи критика столько же необходима, сколько и во всякой другой исторіи. Если бы не такъ называемыя „независящія обстоятельства“, которыя особенно сильны у насъ въ области церковной письменности, то мы несомнѣнно имѣли бы уже нѣсколько опытовъ критически обработанной русской церковной исторіи, ибо уже первый опытъ этой исторіи былъ написанъ митр. Платономъ съ нѣкоторой критикой. Несомнѣнно, что и послѣдній по времени нашъ историкъ пресов. Макарій при другихъ обстоятельствахъ писалъ бы свою Исторію съ иною критикою, нежели какую мы у него находимъ. Въ одномъ мѣстѣ Исторіи онъ дважды настойчиво восклицаетъ: „Критики, побольше критики,—вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи нашей литературы!“ ²⁾ Но читайте его Исторію внимательно, и вы увидите по проскользающимъ иногда у него краткимъ замѣчаніямъ, что онъ желалъ бы

¹⁾ Она напечатана въ приложеніи ко второй половинѣ I тома моей Исторіи русской церкви.

²⁾ Т. V, стр. 408.

критики вовсе не для одной только исторіи церковной литературы, а и для всей церковной исторіи вообще ¹⁾).

Когда анонимъ говоритъ, что я довожу скептицизмъ и докторально-пренебрежительное отношеніе къ родному прошлому до положительнаго отрицанія во всемъ этомъ прошломъ русской жизни „духа жива“: то говоритъ онъ не имѣющій смысла вздоръ, а намѣреніемъ своимъ имѣть взвести на меня клевету. Духъ живъ или духъ живой есть внутренняя сущность чего нибудь, въ противоположность внѣшней мертвой формѣ. Возьмемъ примѣръ изъ сферы жизни. по видимому, близкой анониму и по этому наиболѣе для него понятный. Можно быть монахомъ по внѣшней формѣ и въ тоже время совсѣмъ не имѣть живаго духа монашескаго и оставаться по духу совершеннымъ міряниномъ. Такъ, повторяю, духъ живъ или духъ живой чего нибудь значить внутреннюю сущность, внутреннее существо чего нибудь. Но что же будетъ значить, что я отвергаю внутреннюю сущность русской церковной исторіи? Не будетъ значить ничего кромѣ бессмыслицы. Очевидно, что анонимъ хотѣлъ сказать другое, а именно— что я не нахожу ничего хорошаго или свѣтлаго въ нашемъ прошломъ, — что я вижу въ немъ одно сплошное дурное или темное. Но это-то и будетъ клеветой на меня, которую онъ имѣлъ въ своемъ намѣреніи. Я вижу въ нашемъ

¹⁾ Когда говорить о моемъ критицизмѣ, то прежде всего и болѣе всего упрекаютъ меня за то, что я сомнѣваюсь въ достовѣрности повѣсти о путешествіи на Русь св. ап. Андрея. Я уже говорилъ прежде, что не совсѣмъ прямо высказывалъ сомнѣніе въ достовѣрности повѣсти еще митр. Платонъ и что совсѣмъ прямое сомнѣніе въ ней преосв. Филарета осталось подл спудомъ только по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Прежде я не могъ подтвердить своихъ словъ ссылакой на документальное свидѣтельство, но теперь могу. Въ 33-й части Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ напечатаны письма архіепископа Филарета къ А. В. Горскому. Въ примѣчаніи къ одному письму сдѣлана выписка изъ цензурной бумаги объ одобреніи къ печати Исторіи Филарета и въ этой выпискѣ говорится, что цензоръ одобрилъ Исторію къ напечатанію съ условіемъ, „если измѣнено будетъ начало § 1-го, въ которомъ отвергается преданіе о проповѣди Апостола Андрея на горахъ Кіевскихъ“, — стр. 641. Пусть же негодующіе на меня за мое сомнѣніе въ достовѣрности повѣсти о путешествіи на Русь св. ап. Андрея перенесутъ свое негодованіе если не на митр. Платона, то, — къ чему обязываются уже документальнымъ свидѣтельствомъ, — на преосв. Филарета!

прошломъ не одно только хорошее или свѣтлое, но и дурное или темное,—это совершенно вѣрно. Но предшествующіе мнѣ церковные историки, преосвв. Филаретъ и Макарій, развѣ видятъ въ нашемъ прошломъ только одно хорошее или свѣтлое, а не такъ же, какъ и я, хорошее или свѣтлое вмѣстѣ съ дурнымъ или темнымъ? Правда, что между ними и мной есть существенное различіе: по различіе это состоитъ не въ томъ, чтобы они видѣли въ нашемъ прошломъ одно хорошее, а я—одно дурное. Какъ они видятъ, такъ и я вижу главную причину у насъ дурнаго въ отсутствіи у насъ просвѣщенія. Но тогда какъ они, въ слѣдъ за Карамзинымъ, принимаютъ, что просвѣщеніе вводилось было къ намъ и укоренилось было у насъ, а потомъ отъ случайной причины исчезло, я нахожу невозможнымъ представлять дѣло такимъ образомъ и утверждаю, что попытка св. Владимира ввести къ намъ просвѣщеніе окончилась неудачей и что мы остались безъ просвѣщенія (настоящаго) съ самаго начала у насъ христіанства (объ этомъ пространно говорю я въ книгѣ, — I, 580 sqq, а также и въ рѣчи предъ диспутомъ, на которую указывалъ выше.

„Впрочемъ, кто знакомъ съ его „Исторіей русск. церкви“, говоритъ анонимъ, тотъ знаетъ, что это—историкъ, отъ котораго“ и пр., т. е. хочетъ сказать, будто всѣ одного съ нимъ, крайне плохаго, мнѣнія о моей Исторіи русской церкви. Находя позволительною самозащиту, отвѣчу ему, что онъ беззастѣнчиво лжетъ и желаетъ ввести читателей „Странника“ въ заблужденіе. Есть немалое количество людей темныхъ, которые дѣйствительно одного съ анонимомомъ, весьма плохаго, мнѣнія о моей Исторіи; есть люди и нетемные, которые очень неблагоклонны къ моей Исторіи по побужденіямъ или не совсѣмъ научнымъ или совсѣмъ ненаучнымъ; но затѣмъ, что касается до большинства людей нетемныхъ, то, думается мнѣ, я не схвастаю, если скажу, что оно рѣшительно въ мою пользу. Во всякомъ случаѣ, я могу привести свидѣтельство за себя, авторитетъ котораго, можетъ быть, и будетъ оспаривать анонимъ съ подобными ему, но которому никакъ не откажутъ въ этомъ авторитетѣ люди нетемные. Я представлялъ мою Исторію въ Академію Наукъ на соисканіе Уваровскихъ

премій. Академія поручала разборъ моей Исторіи критику, но ея мнѣнію вполне компетентному и, получивъ отъ критика крайне благосклонный (имѣю полное право сказать — блистательный) отзывъ о книгѣ, вполне согласилась съ нимъ, почему и присудила мнѣ полную Уваровскую премию (см. Отчетъ о двадцать-четвертомъ присужденіи награды графа Уварова).

Остается мнѣ отвѣтить на вопросы анонима: какой наукѣ я служу, какому богу поклоняюсь.

Въ первомъ вопросѣ: какой наукѣ я служу, анонимъ, очевидно, разумѣетъ: что же такое есть по моему исторія или какъ же я понимаю исторію, когда моя Исторія русской церкви представляетъ изъ себя, по его навѣтамъ, нѣчто такое ужасное. Мой отвѣтъ ему. Исторія бываетъ трехъ родовъ: *тупая*, принимающая все, что оставило намъ прошлое время съ именемъ историческаго матеріала, за чистую монету и поэтому рассказывающая бабьи басни; *лгушая*, которая не обманывается сама, но обманываетъ другихъ, которая изъ разныхъ практическихъ побужденій представляетъ бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, хулить достойное похвалы и хвалить достойное порицанія и т. д., и *настоящая*, которая стремится къ тому, чтобы по возможности вѣрно и по возможности обстоятельно узнавать прошлое и потомъ старается такъ же вѣрно и обстоятельно воспроизводить его. Предоставляя желающимъ и произволяющимъ быть сторонниками исторіи тупой или лгушей, я съ своей стороны емь горячій почитатель исторіи настоящей.

Второй вопросъ анонима: какому богу я поклоняюсь, очевидно, значитъ: что же я уважаю и уважаю ли я что нибудь, если въ нашемъ прошломъ, какъ онъ клеветаетъ на меня, я не нахожу ничего заслуживающаго уваженія. Если я отвѣчу ему, что я принадлежу къ числу людей наиболѣе уважающихъ все то, что заслуживаетъ уваженія, онъ скажетъ мнѣ, что хвастать можно. Я отвѣчу ему такъ сказать „отъ противнаго“. Всѣ признаютъ (и многіе порицаютъ меня за то), что я съ необыкновенной страстностью говорю противъ того, что заслуживаетъ осужденія. Человѣкъ, говорящій страстно противъ того, что заслуживаетъ осужденія, не даетъ ли права поеднолагать, что онъ относится съ особеннымъ уваженіемъ къ тому, что заслуживаетъ уваженія?

Иначе, откуда же взялась бы у него страстность (нисколько не объясняемая практическими побужденіями)? „Сильно порицають худое только тѣ, которые столько же сильно почитаютъ хорошее“, если этого, можетъ быть, и не сказали никто изъ древнихъ, то во всякомъ случаѣ это есть законъ человѣческой природы.

Отвѣтивъ анониму на его вопросы: какой наукѣ я служу и какому богу поклоняюсь, я возьму на себя трудъ сказать и ему: какой науки служителемъ и какихъ боговъ поклонникомъ является онъ въ своемъ пасквилѣ на меня. Онъ является служителемъ науки, которая учитъ презирать дѣйствительныя науки; онъ является поклонникомъ студнѣйшихъ боговъ лжи, клеветы, инсинуацій и диффамаций.

Окончу мой отвѣтъ анониму на его пасквиль искреннимъ пожеланіемъ, чтобы онъ отказался отъ служенія помянутой нехорошей наукѣ и чтобы онъ оплевалъ указанныхъ мерзкихъ боговъ.

Давая отвѣтъ на пасквиль, чрезвычайно трудно бываетъ удержаться отъ чего нибудь такого, чтò и самъ осудилъ бы въ качествѣ сторонняго зрителя. Если будетъ найдено, что и я не совсѣмъ удержался отъ этого чего нибудь, то усерднѣйше прошу извиненія у читателей.

Е. Голубинскій.
